

Глава IX. ФЕВРАЛЬ – СЕНТЯБРЬ 1920

— Гонения не помогут. Наивно думать, что репрессиями можно разрешить все расхождения между селом и городом, Красной Армией и махновцами, — говорил Куриленко, накануне приехавший с польского фронта. С июля 1919 г. он отступал с Украины на север, вместе с Красной Армией. Со своим полком он был влит в бригаду «червоных казаков», а Давыдов и Тахтамышев с безоружными махновцами в 14-ю армию — все они оставались в ее рядах до настоящего времени. Куриленко приехал в отпуск по ранению и 15-го февраля 1920 г. разыскал нас на Николаевских хуторах. Он говорил:

— Троцкий идет к победе над украинским повстанчеством. Везде, где я проезжал — Киевщину, Черниговщину, Полтавщину, Екатеринославщину — всюду проливается невинная кровь. В штабах полно военспецов-предателей, которые умышленно уничтожают лучшие силы на Украине. Вот такой факт: белые успели закрепиться в Крыму и с помощью огня бронепоездов и артиллерии крепко удерживали Чонгарский мост и узкое дефиле, которое для конницы является непреодолимым препятствием. Но конницу заставляют делать то, что было бы непосильно даже для пехоты. Очень много кавалеристов погубили белогвардейские агенты, действующие в штабе 13-й армии[819]. И именно 13-я армия основные свои силы бросает не на Крым, а на ликвидацию повстанчества. Ведь это явное предательство. Здесь все настолько просто, что и козе понятно.

А 14-я армия? В ней раскрыта белогвардейская организация, которая свила себе гнездо в штабе армии; бывший комендант Екатеринославского укрепрайона Рафаилов остался в городе и перешел на службу в разведывательное управление Добрармии. К Деникину перешел и бывший начальник штаба этой же армии и некоторые другие ответственные работники штаба армии из числа бывших офицеров[820].

Очевидно, и мы стали жертвой провокаций белогвардейских агентов. Возможно все-таки разберутся?

Вот как, например, надо понимать действия Красной Армии в лице 45-й дивизии и ее руководителей?

Боевые командиры и бойцы считают нас друзьями по борьбе и не видят, за что нас надо лишать жизни. У нас с Красной Армией был один общий враг — Деникин. Видя перед собой общего нашего врага — деникинцев, части 1-й бригады 45-й дивизии не выполнили приказ командира выйти на Александровск, а ввязавшись 3-го января в бой с белыми у Софиевки, уклонились влево от главного своего направления и преследуя бегущего противника проскочили в южном направлении, выйдя к вечеру 5-го января на реку Конская, 25

километров юго-восточнее Александровска. Но командование остановило преследование белых в преддверии Крыма и вернуло части на Александровск, для ликвидации махновцев, на что понадобилось двое суток.

К вечеру 9-го января 3-я бригада 45-й дивизии была в районе Варваровка – Чумаки, 2-я бригада заняла колонию Нейендорф – Хортица, 1-я бригада располагалась под Александровском[821]. Части 41-й и 46-й дивизий закрывали Александровск с востока[822], а в это время разыгрывали комедию с приказом: махновцев — на польский фронт.

Как же все это надо понимать?

Белые, благодаря нашим общим усилиям, деморализованы, они не в состоянии организовать оборону; в Крыму никакой обороны тоже нет. Выходит, что золотопогонники красным комиссарам ближе, роднее, чем крестьянство Украины, которое не произвело ни единого выстрела в сторону красных, видя в них своих братьев по духу и по борьбе.

Но как же понимать их практические действия? Это же действия, которые гарантируют белых от полного разгрома. Это действия, которые говорят, что повстанчество, для господ Троцких и компании, более ненавистно чем деникинщина. Только поэтому сняты с белого фронта дивизии 13-й и 14-й армии и брошены в наш район. Но красноармейцы знают, кто мы, и убивать нас не хотят, несмотря на принуждения комиссаров. Поэтому красные считают надежными, карательными войсками те, в состав которых входят или которыми командуют: эстонцы, латыши, китайцы, татары, евреи.

В январе на Крым, против Слащева, послана только одна 46-я дивизия.

В наш же район были брошены: ВНУС, ВОХР, ЧОН, милиция, части местного формирования, особые отряды, продовольственные отряды, чрезвычайные комиссии и чего еще там только нет.

Троцкий своим приказом № 180 требует безмотивного уничтожения всего, что напоминает махновщину и вообще свободу и право в наших краях.

Красная Армия, вместо прямой задачи — преследования отступающего Деникина — сейчас занята повстанчеством. Я думаю, что она своими действиями заново организует его: это неизбежно. Создается положение, при котором террор и насилие над махновцами и населением только увеличат сопротивление. Историей доказано, что идеи, которые власти стремятся подавить силой штыка, а не добрым словом, обыкновенно делаются народной массе более близкими, более популярными. В настоящее время, когда окончательно не сломлена белогвардейщина, когда перед Советами, махновское повстанчество покорно сложило оружие, борьба с последними, во имя торжества партии — есть контрреволюция. Поэтому мы должны во что бы то ни стало предотвратить кровопролитие в районе. Надо писать воззвание! — закончил Куриленко.

— Воззвание мы уже писали, — возразил Миша, член бердянской группы анархистов, — осуждая выступление гуляйпольцев. Но, следующего же дня Уралов был арестован.

Действительно, Уралов с бердянской группой анархистов выпустил воззвание, осуждая Махно за выступление против компартии. Однако, Чека арестовала его, а месяцем позже, по настоянию рабочих, освободила. Некоторые члены этой группы бежали в Новоспасовку и скрывались со мною на хуторах. Я продолжал болеть, охраняемый Вдовиченком, Бондарцом и другими.

Куриленку возразил Бондарец, упрекая его в советской службе. За Куриленко вступился Миронов[823] — начштаба 2-го Азовского корпуса, бывший коммунист. Он говорил:

— Успокойтесь, товарищи, пожалейте, бывших повстанцев, не поднимайте заварухи. Большевики сами осознали, что террором социализма достигнуть невозможно, и мы видим, что в уезде репрессии начали ослабевать. Упрекать в советской службе не следует, ибо не порок. Чем больше наших товарищей будет на этой службе, тем легче нам удастся изнутри двинуть 3-ю анархическую революцию.

— Это мечта деревенского собственника, — вспыхнул Долженко, — крестьянское кустарничество и отживший метод борьбы. Взорвать изнутри Советскую власть, значит продлить борьбу внутри пролетарских групп города и деревни. В конце девятнадцатого года нам достаточно надоело фразерство синдикализма. Эта идея показала себя обратной стороной, и пролетарские массы нас бросили на съедение зарвавшимся красным комиссарам. Мало того. Штарм и Реввоенсовет показал абсолютное банкротство в деле организации индустриального пролетариата и социализации богатств в свободных городах. А величайший в мире «помпадур», этот батько, со своими гуляйпольцами, что они делали? Тогда перед ними стоял вопрос жизни и смерти. Большевики подходили все ближе и ближе. Вы знали наше отношение к ним и, вероятно, чувствовали, что расправа над повстанчеством будет тем пунктом, у финиша которого мы находимся. Что делал штаб для того, чтобы предотвратить кровопролитие? Вместо концентрации армейских корпусов, представляющих военную силу, с которой красное командование должно было считаться и неизбежно подписало бы союзный договор, предоставив нам независимую территорию, штарм эту силу раздробил. Он не старался даже позаботиться о несчастных больных и, бросив их на растерзание, сам ушел в Гуляйполе. Он не мог отстоять независимое существование армии, и масса была разочарована. Теперь она скрывается, и вряд ли гуляйпольцы смогут ее разбудить, конечно, если им не помогут своим террором большевики.

Бряцать оружием или входить нам во властные организации с целью взорвать их изнутри, было бы весьма позорно и недостойно. С ними надо примириться раз и навсегда. Священной обязанностью теперь надо считать вопрос организации свободных коммун в советских условиях. В этом мы имеем достаточно опыта и должны показать деревне как можно устроить коллективную жизнь. Пусть даже эти коммуны будут нести обычное бремя государственных налогов, подчиняться власти. И тогда они будут расти, привлекая к себе материальной выгодой крестьян-автономистов. Как вы знаете, крестьянина-автономиста обыкновенно принято называть кулаком, собственником, только способным эксплуатировать середняка и батрака. Мы же, анархисты, иначе на него должны смотреть. Вы знаете, что крестьянин, владеющий маленьким клочком земли, едва сводил концы с концами в дореволюционное время. Он влезал в долги и становился добычей ростовщика — торговца скотом, землей; векселя разоряли его больше, чем тяжелые налоги, взимаемые

государством. Теперь крестьянину стало не легче. Прогнав помещика, торговца и урядника, он очутился с глазу на глаз с промышленным пролетариатом и руководительницей революции — компартией. Вся земля и недра ее, а равно орудия производства, очутились в руках государства, объявившего на все монополию. И мелкий собственник бьется в изнеможении и, если он еще носит имя собственника, то, в сущности говоря, он является рабом общего экономического застоя и своей автономности, он арендатор. В былое время он не мог конкурировать с паршивеньким помещиком. Теперь, тем паче, он не может жить по-старому. Чтобы он мог пользоваться урожаем и соперничать с совхозами, которые начнут возделывать землю с помощью машин, он должен будет иметь капитал, позволивший бы ему внести в обработку своих клочков земли усовершенствование. Не имея основного капитала, возделывать землю, положительно, невозможно. Хозяйство расстраивается, лошадь стареет, корова перестает давать молоко, плуг притупляется: надо заменить, починить. Для этого нужно несколько тысяч рублей, а их никогда не достать крестьянину-автономисту.

Поэтому надо проповедовать коллективизм, которому большевики выдали вексель чуть ли неприкосновенности и массу привилегий. Мы должны оружие сдать в музей революции и организовать хотя сколько-нибудь свободных коммун, повторяю, в советских условиях. Стремиться к власти было бы не анархическим актом, а восставать против нее изнутри или извне, значит, надо стать махровым контрреволюционером.

— Да ты, Иван, совсем заговариваешься, — возразил Вдовиченко. — У тебя, вероятно, температура, к врачу не надо? Как можно организовывать коммуну, когда нос не показывай, когда за тобой, как за зайцем, охотятся красные стрелки. Одно дело говорить, другое — делать! Бряцать оружием сейчас не хорошо, но что нам делать, когда нас лишают самого дорогого — жизни... нас убивают?..

По-моему, село надо подчинить политической и экономической самозащите, надо организовать сопротивление.

Сидящие в хате, знакомые нам по второму махновскому съезду, поддержали Вдовиченко и готовы были предоставить в его распоряжение сыновей и лошадей. Но большинство придерживалось позиции Долженко. Было решено сидеть в подполье, ожидая пока выяснится положение на деникинском фронте, откуда слышалась орудийная канонада.

16-го февраля 1920 г. от Павловского прибыл разведчик. Он говорил, что 4-й Крымский корпус рассыпался по домам после того, как красные части (3-я, 45-я, 46-я стрелковые и 8-я, 11-я конные дивизии) начали обезоруживать полки, а командиров расстреливать.

— Вечером 8-го января мы заняли г. Мелитополь, — говорил он. — Слащев драпал на Сальково. Павловский подходил к Перекопу и Николаеву. Вдруг 11-го января прибыли красные войска и набросились на наш 15-й полк. Я с Володиным оторопели и с конной разведкой бежали к Павловскому. Кроме 15-го полка, погибли еще два: 16-й пехотный Чайки и Крымский конный.

В Чаплинке мы встретились с Павловским и не знали, что делать, штарма не поступало никаких распоряжений, и места его пребывания никто не знал. Тут же мы решили ударить на Перекоп и уйти в Крым.

20-го января мы заняли Перекоп и Армянский базар, где противника почти не было. Продержались там до 23-го, но вновь пришли красные пс командой Эйдемана и начали нас обезоруживать. А из Крыма Слащев начал напирать. И мы — кто куда. Володин с сотней конницы пробился через Слащева и ушел с Прочаном[824] в Крымские горы, а мы с Павловским и двумя полками пробились к Днепру. Вот и теперь они сидят в плавнях и послали меня к вам. Что делать? — спрашивал разведчик.

Вдовиченко написал Павловскому письмо, в котором изложил положение вещей, и разведчик уехал.

В начале марта нам доставили из Бердянска копию резолюции, вынесенной бывшими повстанцами-махновцами с. Новогригорьевки. Естественно, что все здесь было подготовлено и «направлялось», но тем не менее в ней говорилось:

«27 февраля 1920 г. с.

Мы, бывшие повстанцы при командире Махно, восстали не против рабочих и крестьян, а против белых палачей, в те дни, когда была занята вся Украина этими шакалами, которые пытались мобилизовать нас для пополнения своих рядов, дабы нами задавить нашу Советскую власть, но мы оставили жен, отцов, матерей и ушли для того, чтобы не быть в армии врагов рабочих и крестьян, а уничтожать их.

Мы здесь делали партизанщину, наносили сокрушительные удары, разоряя железную дорогу, взрывая мосты чем и заставили врага оттянуть на нас свои войска, дабы обессилить белых на фронте и в тылу. Мы это сделали, но когда мы соединились с армией рабочих и крестьян, часть нас, повстанцев, сейчас же перешла в Красную Армию для дальнейшей борьбы с врагом, а часть в силу болезненного состояния и слабости возвратилась домой, где белая свора, как всем известно, с нашими семьями не считалась, вешала от старого до малого и забирала последнее имущество. В настоящее время мы занялись, после болезни, мирной и трудовой жизнью, у нас не было и нет мысли, чтобы вредить делу революции и рабоче-крестьянской власти, ибо мы также есть истинные сыны революции, друзья братьев рабочих и крестьян. До сего дня в нашем селе Новогригорьевке ни один красноармеец и советский работник не был обижен, а был принят как освободитель нас, крестьян, но согласно приказа Советской власти, в котором нас называют бандитами и изменниками Советской власти, мы не можем умолчать, когда на нас падает пятно предательства и измены. На собрании всех повстанцев поклялись во всем поддерживать рабочих и крестьян, а предателям и изменникам рабоче-крестьянской власти шлем проклятия, а поэтому ПОСТАНОВИЛИ: согласно предложения отдела Управления Бердянского Ревкома от 11 февраля с. г. за № 403: 1. Снести оружие в 24 часа то, которое не было отобрано 1 Эстонской Советской дивизией, проходившей через наше село. 2. Произвести учет бывших нас, повстанцев. 3. Всем явиться по объявлению на Украине мобилизации в порядке вещей. 4. Бороться со всякими появляющимися в районе Новогригорьевской волости бандитами.

Председатель собрания — Глушак. Секретарь — Кондратенко»[825].

Все были на распутьи, так тянулись долгие, долгие месяцы, и мы продолжали болеть не столько физически, сколько пораженчеством и капитулянством.

Дабы из времени черпать пользу, мы утвердили распорядок дня, в котором отводилось время и на наши штабные занятия: разбор прошлых боев, изучали стратегию и тактику борьбы партизан во все времена. Особенно нас интересовало Запорожское казачество, историю борьбы которого мы изучали с особой любовью, так как многие из нас были потомки запорожцев и, тем более, действовать нам приходилось в областях и районах, ранее принадлежавших Запорожскому казачеству.

Утверждения теоретика анархизма-коммунизма П. А. Кропоткина, что в основе развития современного мира лежит не классовая борьба, а борьба двух тенденций, которая проходит через всю историю человеческого общества: с одной стороны, народ выступает против властей, за свободу, то есть против государства; с другой стороны, небольшая группа людей стремится эксплуатировать народ, используя для этой цели власть и государство, то есть действуют «тенденция свободы и тенденция власти»[826], для повстанцев эти рассуждения были близки и понятны.

Идеолог анархизма-коммунизма в махновщине Аршинов-Марин, подвергнув анализу деятельность в революции большевиков-коммунистов, писал: «...Несомненно, большевизм — явление историческое, русской и международной жизни. Он выдвинул многочисленную группу лиц — цепких, властных, чуждых каких бы то ни было общественных и моральных сентиментальностей и не останавливающихся ни перед какими средствами в борьбе за свое торжество. И он же выдвинул соответствующего этой группе руководителя. Ленин не только вождь партии, — он, что значительно важнее, вождь определенного психологического типа людей...»[827].

Насколько важное значение придавалось махновскому краю и как нарастало сопротивление населения говорят приказы, целые залежи которых находятся в госархивах, особенно в ЦГАСА.

Так, например, приказ командования 13-й армии, начальнику Эстонской дивизии и местным военным комиссариатам об окончательном разгроме махновцев от 6 февраля 1920 г. гласил:

«Несмотря на принятые меры к уничтожению банд Махно и полному разоружению населения в районе действия этих банд, донесения с мест показывают, что махновщина не ликвидирована даже в районе Гуляй-Поле, где махновцы обезоруживают тыловые части 42 дивизии и захватили тяжелую батарею названной дивизии. Приказываю: 1. Командарму 13 немедленно принять меры к возвращению батарей. 2. Начдиву Эстонской безотлагательно направить в район Гуляй-Поле для окончательного разгрома махновцев лучшую по своему боевому составу бригаду, каковую там и расквартировать. 3. Командарму 13, начдиву Эстонской и всем губернским и уездным военкомам немедленно отдать распоряжение о беспощадной расправе с бандитами и прикрывающим их населением. В случае оказания махновцами сопротивления в районе Гуляй-Поле и защиты ими этого пункта с ним, как

главным очагом махновского бандитизма, должно быть поступленно самым суровым образом, если обстановка этого потребует...»[828].

12 февраля Екатеринославский губернский военный комиссар приказывал:

«Махновские банды, разбитые, и рассеяны оружием рабоче-крестьянской Красной Армии, все же до сих пор проявляют в некоторых местностях свою преступную деятельность, творя насилия и грабежи и разоряя народное хозяйство, и без того разоренное грабежами, предшествовавшими занятию этих местностей Красной Армией.

Язва бандитизма на исстрадавшемся теле Украины должна наконец исчезнуть бесследно, дабы украинский сельский пролетариат мог спокойно и свободно трудиться для поднятия благосостояния страны.

Приказываю всем уездным, районным и волостным военным комиссарам вести самую беспощадную борьбу с махновскими шайками, донося мне о каждом их выступлении, о количестве и о принятых мерах к их уничтожению, испрашивая вооруженную силу в случае недостаточности местной силы.

Наряду с этим, приказываю путем разъяснения крестьянам необходимости организации с их стороны самообороны против бандитизма, способствовать этой организации и руководить ею...»[829].

А 14-го марта 1920 года командующий Юго-Западным фронтом Егоров докладывал главкому С. С. Каменеву:

«...Острота внутреннего фронта не позволяет не только выделить что-либо для усиления внешнего фронта, но требует для ликвидации бандитизма назначения новых сил... При этом докладываю, что для этой последней цели ни Латдивизия, ни 42 дивизия не могут быть использованы: первая как единственная часть, ведущая борьбу за закрепление тыла, столь же важного, как и внешний фронт, вторая так же как единственная часть, втянутая в трудовую работу по добыче необходимых для фронта и страны угля и хлеба...»[830].

По освобожденному повстанцами тылу белых красные войска прошли под фанфары, но, потратив время на искоренение повстанчества, дали возможность белым перегруппировать, пополнить свои войска и 20 февраля развить контрнаступление в ростовском и Новочеркасском направлениях кавказского фронта, заняв г. Ростов и оттеснив красных к северу и на подступы к Новочеркаску[831]. В Крыму положение белых также укрепилось за счет переброски войск из Кавказа и они, укрепив Перекоп, постоянными боями изматывали малочисленные красные войска, тесня их на север от Перекопа.

Кроме того, состояние тыла красных войск было неважное.

Так в докладе представителя Мелитопольского ревкома Екатеринославскому губкому о положении в городе говорилось:

«11 января 1920 года вступили красные войска в гор. Мелитополь. В этот момент в городе власти не было. Подпольного Ревкома не существовало. Так что не нашлось даже кому приветствовать вступивших красных героев. На следующий день комсомол и некоторые лица, которые выдавали себя за подпольных коммунистов, составили инициативную группу, которая выделила из себя временный ревком. Он состоял из 5 человек...

Ревкому пришлось выполнить громадную работу. Во-первых, в городе и уезде свирепствовала эпидемия сыпняка. Ежедневно с фронта привозилась масса больных красноармейцев, которым приходилось валяться на полу без медицинского ухода в неотопленном помещении... Буржуазия была привлечена к бельевой повинности. Она дала около тысячи пар разного белья...»[832].

Председатель Мариупольского военно-революционного комитета докладывал 20-го января 1920 г.

«В деревне нужно сменить все волревкомы, так как большинство из них состоит из махновцев»[833].

На начало марта 1920 г. на Украине было зарегистрировано около одного миллиона больных сыпным тифом. В ряде районов были случаи заболевания холерой и черной оспой[834].

Командующий 12-й Красной Армией, которая освободила г. Киев, С. О. Меженинов писал:

«Жизнь в городе замерла. На продовольственных складах пусто. Все госпитали и больницы заполнены больными тифом... Вот Александровская больница. Все кровати заняты, в коридорах и на лестничных площадках лежат больные. Малочисленный персонал, который остался, жалуется, что некуда девать умерших, поскольку не успевают хоронить, а в морге скопилось около 2 000 трупов... Самым страшным было скопление по селам больных сыпняком: в некоторых селах насчитывались только единицы здоровых.

Если посетить район Жмеринка – Козятин – ст. Пепельная, можно увидеть кладбища, которые разрослись в несколько раз. Медицинская помощь отсутствует из-за того, что нет врачей»[835].

Действительность, а тем более прогнозы были мрачноваты, и не является ли приведенная ниже выписка из приговора Ревтрибунала 13-й армии доказательством способа пополнения поредевших рядов армии бойцами?

«Ревтрибунал XIII Армии 103-й стрелковой дивизии 5 марта 1920 г., рассмотрев дело по обвинению граждан Екатеринославской губернии Мариупольского уезда Марьинской волости деревни Максимильяновки Ивана Андреевича Киселя, Андрея Афанасьевича Романца и Ивана Ефстафьевича Косяка в бандитизме, нашел факт преступления доказанным.

Приговорил: обвиняемых Киселя, Романца и Косяка расстрелять, но приговор с исполнением приостановить сроком на 2 месяца, отправив обвиняемых в штрафную роту при штабе XIII-й Армии.

И если они в течение этого срока совершат хотя малейшее преступление, то военному той части, где будут находиться осужденные, вменяется в обязанность расстрелять без суда и следствия.

Если приговор будет приведен в исполнение, то семьи осужденных лишаются земельных наделов и все имущество конфискуется в доход республики»[836].

А сообщение Укрсовтрударма в адрес В. И. Ленина от 9-го марта дополняло картину состояния дел на Украине. В нем говорилось:

«...2) По плану продовольственной кампании Наркомпрод Украины из общей суммы и разверстки должен был реализовать к 7 марта сего года 30 процентов общей разверстки, то есть около 50 миллионов пудов, между тем на деле оказалось заготовленным к 7 марта не более 1,5 миллиона (заготовка войсковых органов исключена, причем запасы войсковых органов по общим данным минимальные, не подсчитаны...) 3) Из 10 основных заготовительных уездов (Мелитопольский, Бердянский, Днепровский, Александровский, Елизаветградский, Херсонский, Полтавский, Константиноградский, Падьяченский и Лохвицкий) в четырех уездах Полтавской губернии нормальная заготовительная работа пока невозможна ввиду засилия бандитов, буквально уничтожающих продработников. Что же касается остальных 6 уездов, где заготовительная работа протекает более или менее сносно, вывоз из этих уездов хлебных запасов на места потребления значительно затруднен по состоянию транспорта и мостов... 5) Причинами неудовлетворительного состояния продовольствия признаны: засилье бандитизма в некоторых хлебных уездах, громадный недостаток в продработниках как высших, так и средних и низших, недостаток в дензнаках (потребность на март месяц определена 1 300 000). Громадный недостаток в предметах для продуктообмена, максимальная слабость гужевого транспорта и неудовлетворительное состояние железнодорожного транспорта (положенные 3 бронированных маршрута для Донбасса еще не обеспечены), неудовлетворительное состояние распределительных органов, еще не взятых в руки Наркомпродом, неудовлетворительное состояние ревкомов, особенно, уездных, идущих нередко в разрез с продовольственной политикой правительства...»[837].

В сводке № 38 для членов ЦК Информационного отдела ЦК КПУ от 15 марта 1920 г. сообщалось: «...По Харьковской губернии. Валковский уезд.

Во время крестьянской недели (с 9 по 15 марта) выяснилось настроение крестьян, которые выражаются в следующих лозунгах: 1. “Никаких коммун, коммунистических ячеек и партий не допустим”. 2. “Мы сами большевики и будем поддерживать Советскую власть”. 3. “В Советы коммунистов выбирать не будем”. 4. “Чим балакаты, скорише б землю роздавали, тоди и выдко було б, що наша влада”. 5. “Почему существуют большевики и коммунисты?” 6. “Нехай будуть більшовики, а не буде комунистив”. 7. “Як комунисты, то им табак, папиросы, сипь, а другим нема”. 8. “Кажуть, що власть народу, а сами выбирают партийных и прысылають в волости незнайомих людей на должности”»[838].

В сводке Харьковского военного округа о политическом состоянии Александровского и Мелитопольского уездов за период с 15 марта по 1 апреля 1920 г. сообщалось:

«...Александровский уезд.

Положение в уезде неблагоприятное. Анархобандитизм свил себе здесь крепкое гнездо и проявляется почти во всех волостях, за исключением 10 (из 43-х) — Гавриловской, Андреевской, Ново-Гуполовской, Петрово-Свистуновской, Григорьевской, Натальевской, Камышеватской, Петровско-Строгановской, Вознесенской и Федоровской.

В некоторых волостях ревкомы работают полулегально, вследствие постоянной угрозы со стороны махновщины.

Александровский уезд требует сугубого к себе внимания, а потому необходимо направить туда в достаточном числе агитаторов (знающих украинский язык) и литературы, главным образом, антимахновской и по продовольственному и земельному вопросу.

Снабжение уезда литературой происходит ненормально, через случайных курьеров.

Из Бердянского уезда сведений не получено»[839].

7 мая 1920 г., поздней ночью к нам на хутор от Махно приехал Голик, все время бывший со штабом. Он рассказал, что красный отряд собирается потрусить хутора и поэтому надо скорее ехать подальше. Мы перебрались за 25 верст к Мариуполю, в Азовское лесничество.

Голик привез много воззваний и письмо. Махно писал мне относительно положения штарма и своего отряда, ругаясь, что я ничего не делаю. По дороге Голик сообщил следующее:

«Махно болел тифом и находился в хуторе Белом, что в пяти верстах от Дибривок. Штаб сидел в подполье в Гуляй-Поле.

22 января в Гуляй-Поле произошла встреча представителей нашего штаба армии с делегацией красных войск. Перед нами они поставили такие вопросы: 1. Считают ли себя представители штаба руководителями Повстанческой Армии в настоящее время. 2. Если “да”, то намерен ли Махно подчиниться приказу РВС 14-й армии о разоружении повстанцев. 3. Если намерены, то укажите необходимое на разоружение время и так далее».

Мы ответили на эти вопросы так: «1. Повстанческая Армия, имея за собой не заслуги перед революцией, а только лишь честно исполненный до сих пор долг тружеников, считает предложение со стороны Советских войск о разоружении плодом печальных недоразумений, оскорбляющих Повстанческую Армию. 2. Повстанческая Армия видит в товарищах красноармейцах братьев по духу и крови и в любой момент готова рука об руку с ними идти против общего врага, оставляя за собою право самостоятельности как Армия и входя в тесный контакт с Красной Армией. 3. Повстанческая Армия самым категорическим образом протестует против насилия, арестов, разоружения честных повстанцев, а также избранных ею командиров...»[840].

Совещание к какому-либо соглашению не пришло, мы еще глубже ушли в подполье. Десять человек охраняли Махно, который, как только почувствовал себя лучше, настаивал сделать налет на заградительный отряд, который все время его разыскивал. Вот мы в ночь на 2

февраля и ударили ему в хвост, когда он выходил из Успеновки. И, что вы думаете? Взяли доста человек в плен и два пулемета. Нас уже было 20 человек, и мы налетели на Гуляй-поле, где взяли в плен пехотную бригаду и тяжелую батарею вместе с прислугой 42-й дивизии. Начали стекаться понемногу члены штарма и 5-го февраля отпечатали две листовки. Вот одна из них, — вытащил листок из кипы бумаг Голик.

Мы подъезжали к лесничеству, а вскоре сидели в безопасном месте и читали воззвание. В нем говорилось:

«Слово к Крестьянам и Рабочим Украины. Братья и крестьяне рабочие.

Свыше трех лет вы находились в борьбе с капиталом и, благодаря вашим усилиям, вашей стойкости, вы почти заканчивали эту борьбу. Враги революции изнемогали под вашим напором, и вы, чувствуя победу, близились к торжеству. Вы верили, что ваша бескорыстная борьба с врагами революции даст возможность вам осуществить тот Свободный Советский Строй, к которому мы стремимся.

Но, братья, кто, вместо Вас, торжествует? Торжествуют непрошенные властелины, коммунистические палачи, пришедшие сюда на готовое по свободным путям расчищенным Вашей кровью, кровью Ваших сынов и братьев, составляющих революционное повстанчество. Они завладели всеми богатствами страны. Не Вы, а они распоряжаются ими. А Вы, крестьяне и рабочие, являетесь для них именным оплотом, без которого они не могут именоваться рабоче-крестьянским правительством; не могут быть всенародными убийцами и палачами; не могут произвольно, во имя партийного господства, тиранить народ. Имя народа дает им на все право. И для этого только Вы, крестьяне и рабочие, им нужны. Во всех же остальных случаях Вы для них ничто, и они с Вами совершенно не считаются: они Вас поработают, мобилизуют, повелевают и управляют Вами. Они Вас уничтожают, и Вы, будучи угнетенными, терпеливо переносите все те ужасы казней, насилия и произвола, которые творятся коммунистами-палачами, и которые могут быть устранены лишь только Вашей революционной стойкостью, только лишь Вашим всенародным протестом — революционным бунтом.

Вас зовут Ваши братья, такие крестьяне и рабочие, как и Вы, умирающие от пуль красных убийц, которые силой оружия забирают скот, хлеб и другие предметы потребления. Они Ваши близкие братья, прощаясь со своими жизнями, со всем тем светлым будущим, к которому мы все стремимся, призывают Вас спасти революцию, свободу и независимость. Помните, братья, крестьяне и рабочие, что, не чувствуя теперь полной свободы и независимости в самих себе, Вы впредь будете неправомочными сами разрешить свою судьбу, не сможете быть сами кузнецами своего счастья, не сможете быть хозяевами богатств Вашей страны, наследия Вашего труда. Все это будет делать хозяин-пришелец, коммунист-большевик.

А чтобы избавиться от этих непрошенных хозяев и властелинов, все крестьяне, все их лучшие силы должны отдать работе по созыву тайных волостных и районных крестьянских съездов, на которых должны сговориться и разрешить животрепещущие вопросы момента, выдвинутые безответственностью и диктатурой этих коммунистов. В интересах страны, в

интересах самих трудящихся Украины — не допустить страну до полного опустошения этими непрошенными хозяевами. Этим властелинам не должно быть места на Украине, ни им, ни их наймитам — красным убийцам, тиранившим народ. Все крестьяне, не теряя ни одного дня, должны организоваться через посредство своих тайных съездов. Организовать в каждом селе и деревне тайные боевые единицы, выделив руководящий боевой орган.

Раз навсегда отказать всякую помощь коммунистам — палачам и их подлинным наймитам: отказать как в подводах, так и в зерне, и куске хлеба.

Рабочие, в свою очередь, как и в городах, так и в селениях, должны воздержаться от вступления в коммунистическую партию, в реквизиционные продовольственные отряды и чрезвычайные комиссии, отказаться от всякого участия в коммунистических учреждениях.

Народ Украины должен на весь мир заявить словом и делом: прочь с дороги, убийцы и палачи как белые, так и красные, мы идем ко всеобщему благу, свету, правде и насилий ваших не потерпим!

Да здравствует Международная Рабоче-Крестьянская Социальная Революция!

Смерть всем белогвардейцам и комиссарам, смерть всем палачам!

Да здравствует Свободный Советский Строй!

Штаб Революционной Повстанческой Армии Украины (махновцев)

5 февраля 1920 года»[841].

— Совершенно прав штарм, — говорил Куриленко. — Ну-ну, что же вы дальше делали, — спрашивал он Голика.

— Да что, — отвечал тот, — мы собирали армию, а, впрочем, я спать хочу. Возьмите дневник, который я вел за это время, и вам станет все понятно. Голик улегся спать, а мы принялись читать листовки и его дневник.

В листовке-обращении говорилось:

«Товарищи красноармейцы фронта и тыла.

Народ Украины угнетаемый Вашими командирами и комиссарами, иногда и непосредственно Вами, под руководством этих командиров и комиссаров, протестует против подобного насилия. Вас ждали как освободителей трудящихся масс от гнета деникинской своры-палачей, но после Вашего прихода на Украине еще больше стали слышны стоны, плач и вопли бедного люда. Всюду расстрелы, сжигание крестьянских хат и даже сел, всюду грабежи и насилия.

Народ изнемог и больше не в силах терпеть произвола, он предупреждающе спрашивает Вас: остановитесь ли Вы перед таким кошмаром и отдадите ли себе отчет в том, кого Вы под

руководством Ваших комиссаров и командиров расстреливаете, кем заполняете тюрьмы и подвалы, не Вашими ли братьями и детьми. Конечно, ими. Делаете это, не замечая, как буржуазия в сторонке сидит и посмеивается, как старорежимные офицеры и генералы, пользуясь свободой и Вашей слепотой, сидят в мягких креслах и приказывают Вам издеваться над бедным людом. И вы, Товарищи, не задумываясь над этим, слепо исполняете эти приказы. Неужели Вы не замечаете, что они Вас травят на бедный люд, называя его контрреволюционным за то, что он протестует против диктатуры господ Троцких и его окружающей коммунистической своры, во имя партийной власти, удушающей революцию. Неужели Вы не видите, что украинский мужик не терпит этого ярма и, несмотря ни на какие казни, разгибает свою сгорбленную спину, разрушает всякие преграды и стремится довести дело освобождения до конца. И он верит, что среди Вас именно в Красной Армии большинство его братьев, такие же крестьяне, как и он сам, которые также как и он, угнетены и которые в конце концов поймут его протест и пойдут совместно с ним против общего врага: как деникинской своры справа, так и комиссародержавия прикрывающегося именем народа слева.

Товарищи, взгляните сами, что творят Чрезвычайки и Карательные отряды в Великороссии и, в особенности, на Украине. И кто же им помогает? Вы, красноармейцы, и только Вы. Неужели у Вас не обливается кровью Ваше сердце, слыша стоны и плач Ваших братьев, отцов, матерей и детей. Неужели Вы настолько обмануты теми презренными политическими свободами, что они Вас обессилили побороть властелина-комиссара, чтобы в сплоченном единении с крестьянами и рабочими освободить себя и весь народ от гнета и насилия. Неужели Вы не замечаете в Ваших рядах тех, которые за счет Вашей крови и жизней, возвысились над Вами, захватили себе власть и право позорно тиранить народы. Неужели сердце ваше не сжимается, когда Вы под руководством этих насильников идете в села и деревни карать трудящихся, протестующих против засилия Ваших вождей. Мы верим, что Вы опомнитесь и поймете, что Ваш позор в молчании. Вы запротестуете против насилия и гнета над бедным людом. Вы не допустите Ваших комиссаров и командиров сжигать села и деревни и расстреливать крестьян, восставших за свое право. Пусть сами крестьяне устраивают свою жизнь, как они хотят. А Вы продолжайте уничтожать деникинскую свору, а вместе с ней и властелина-комиссара. Не уходите с фронта, продолжайте борьбу с золотопогонниками, уничтожайте Ваших комиссаров там же.

Революционное крестьянство и рабочие в свою очередь в тылу уничтожат бездельников, сидящих у него на шее и порабащающих его. Революционное крестьянство и рабочие не забудут Вас и будет день, когда они все, как один, сомкнут свои ряды совместно с Вами, и горе будет всем паразитам и их помощникам, наседающим на него как извне, так и произвольно управляющих ими в тылу.

Помните, товарищи, народы осознали всю ложь поддерживаемого Вами правительства. Народ восстает против него, и никакая партия не устоит против сознательной восставшей массы, борющейся за полное раскрепощение. Присоединяйтесь к ней, она Вас примет, как братьев своих. Помните, что в среде восставших Ваши братья – крестьяне и рабочие, и при встрече с ними не устраивайте бойни. Пусть сами комиссары и командиры идут против восставших.

Пусть они обагрятся рабоче-крестьянской кровью, вся вина падет на них, они жестоко поплатятся за это.

Долой золотопогонную свору.

Долой восприемников, их комиссародержавцев.

Долой искусственные законы и власть человека над человеком.

Да здравствует объединение всех труженников-красноармейцев и восставших крестьян и рабочих. Смерть всем золотопогонникам. Смерть всем комиссарам и палачам.

Да здравствует социальная революция!

Да здравствует полный Свободный Советский строй!

Штаб Повстанческой Армии Украины (махновцев).

28 апреля 1920 года»[842].

В следующем обращении говорилось:

«К молодым людям.

Почему ты, товарищ, дома сидишь, почему ты не в наших рядах, или ты ждешь, чтобы пришел комиссар с карательным отрядом и тебя насильно мобилизовал? Не обманивай себя тем, что тебя не найдут, что ты спрячешься, убежишь.

Большевицкая власть доказала уже, что она ни перед чем не остановится, она арестует твою семью и родных, возьмет заложников, если нужно будет, обстреляет все село артиллерийским огнем и так или иначе, и ты, и твой товарищ, пока еще гуляющие на воле, будут рано или поздно взяты правительством в солдаты. А тогда вас пошлют с оружием в руках убивать ваших же братьев-крестьян и рабочих, революционных повстанцев-махновцев. Мы, махновцы-повстанцы, по домам не сидим, хотя у каждого из нас есть семья и родные, и любимые, и близкие, от которых не охота бы отрываться. Но мы революционеры, не можем мы равнодушно глядеть, как над нами хозяйничают новые деспоты под маской социалистов-коммунистов, под ширмой рабоче-крестьянской власти. Три года революции ясно доказали, что всякая власть — контрреволюционная, без различия будь-то власть Николая Кровавого или большевиков-коммунистов.

Мы, махновцы, подняли знамя восстания за полную социалистическую революцию против всякой власти, против всяких притеснений. Мы боремся за вольные Советы трудящихся. За нами, товарищ! Пусть малодушный шкурник и трус остается дома около чьей-нибудь юбки. Юбочников нам не надо. Но ты честный крестьянин и рабочий, твое место с нами среди революционных повстанцев-махновцев. Насильно мы никого не берем. Но помни, большевицкое правительство своими зверскими расправами над махновцами вынуждает и нас к беспощадной борьбе. Итак, решай, товарищ, мобилизованный комиссарами, ты будешь

послан против нас, и мы вынуждены будем относиться к тебе как к неприятелю и врагу революции.

С нами или против нас. Выбирай.

Повстанцы-махновцы»[843].

8 дневнике было написано следующее:

«8 февраля 1920 г. утром со стороны Полог подошел 522-й полк и согнал нас из Гуляй-Поля. Некоторые товарищи с Пузановым не успели выскочить и остались в плену. Проклятые гуляйпольцы не хотят воевать, опасаются за семьи.

9 и 10 февраля. Отдыхаем в д. Варваровке. Крестьяне выставили охрану и делают разведку, но красные не подошли.

11, 12, 13 февраля. Перешли желдорогу и спустили под откос между ст. Гуляй-Поле и Гайчур состав порожняка. В с. Воздвижевском, зарубив двух большевистских агитаторов, организовавших Ревком, выехали на Рождественскую, где поймали 10 красноармейцев продотряда. Раздели, но не тронули.

14, 15, 16, 17 февраля. Стояли в Крейцевой и ожидали из Полог разведку. Прибыло 10 повстанцев из Орехово. Отряд растет, уже 30 человек.

18 февраля. Под вечер прибыла агентура и доложила, что в Пологах находится снабжение 42-й дивизии. Мы решили сделать налет.

19 февраля. На рассвете в Пологах отбили на платформах 12 орудий, ударили с пулеметов на полк, стоящий по крестьянским хатам. Отняли 10 пулеметов. Все было хорошо, но подвернулись знакомые. Махно напился, а тем временем подошел бронепоезд и ударил картечью. Мы бежали, захватив с собой все пулеметы и замки с орудий. Вечером прибыли в Гусарку, где к нам пристало 20 хлопцев. Ночью выехали на Конские Раздоры и обезоружили 40 красноармейцев: несколько присоединились, остальных распустили. Стояли 3 часа, а затем тронулись в Федоровну.

20 февраля. В Воскресенке красные на днях расстреляли 12 махновцев и сожгли 2 хаты. Дерменжи удрал и сегодня с 15 хлопцами прибыл к нам. Говорят, что в Цареконстантиновке много арестованных: надо было бы освободить. Но, разве батьке это можно вдолбить?.. Он настаивает занять Гуляй-Поле и хочет взять деньги. Вышли из федоровки на Шагарово. Отряд подрастает: имеет 70 конных при 10 пулеметных тачанках.

21 февраля. Налетели на Гуляй-Поле и взяли 500 пленных, два пулемета и снаряды. Орудие бежало. Красноармейцы переходят на нашу сторону, но штаб, от боязни, воздерживается их принимать. Из армейской кассы взяли 2 миллиона денег и роздали повстанцам по 500 рублей, а командирам по 1 000. Стояли 3–4 часа. Вдруг из Полог подошла красная конница и вышибла нас из Гуляй-Поля. Савва[844], М. Скоромный[845] и Воробьев не успели выбежать: судьба их не известна. В Санжаровке выпили самогончику и заночевали в ближайшей

немецкой колонии Яблуковой.

22 февраля. Через Успеновку поехали в Дибривки, где встретили Петренка, Бедный, больной, слабый, зарос рыжей бородой. Он плакал, и сам рубил двух пленных продармейцев. Днем провели митинг, но махновцы не вступали в отряд и было видно, что от нас прячутся.

23 февраля. Вечером приехали в Гавриловку, где взяли одного красного инженера и двух продармейцев; их тут же зарубили. Забудько[846] вылез из подполья и с 5-ю хлопцами пристал в отряд. Махно, Буданов и Попов митинговали и саморучно расклеивали листовки.

24 февраля. Из Гуляй-Поля приехали некоторые анархисты и говорят, что красные расстреляли Коростылева[847]. Выехали через Андриановку на Комарь.

25 февраля. Утром выехали в Б. Янисоль, где убили одного продкомиссара и двух красноармейцев. Ударили в набат и провели митинг. Греки не хотят воевать. После обеда переехали в Майорское, а затем в Святодуховку. Захватили одного большевика — организатора Ревкома: Петренко его зарубил.

26 февраля. В Святодуховке провели митинг. После Махно напился и, сдуру, разбрасывал крестьянам деньги, а в штабе дрался с Каретниковым. Хотел расстрелять Попова за то, что тот ухаживал за Галиной. Его взяли и уложили на тачанку, в десять часов утра 27-го выехали на Туркенозку. По пути встретились с красными и, обстреляв их из пулеметов, ушли в Шагарово. Махно протрезвился и настаивал ехать в Гуляй-Поле. Штаб согласился, и мы ночью въехали на Бочаны[848]. Дорога скверная, снег с дождем, лошади измучены, но надо ехать в Бешаул.

27 февраля. Мы в Бешауле. Пришел В. Данилов и Зеленский[849]. Говорят, что в Гуляй-Поле большевики производят аресты. Махно торжествует. Он говорит: “А, стервы, не хотели воевать, так и на выручку не пойдем. Пусть сволочей расстреливают”.

28, 29 февраля. Стояли в Воздвиженской и митинговали. Здесь на днях 6-й полк расстрелял восемь махновцев, взял заложников и вышел на Гуляй-Поле. Воздвиженцы и рождественцы начинают шевелиться. 20 человек сразу поступило в отряд.

1-е марта. В 12 часов вышли на д. Варваровку. По дороге остановили поезд, в котором обезоружили красную роту. Командира расстреляли, а 30 добровольцев приняли. Под вечер сделали налет на Гуляй-Поле и выбили 6-й советский полк. Взято в плен 75 красноармейцев во главе с командиром полка Федюхиным, тяжело раненым в бою. 15 пленных вступили к нам в отряд. Мы вышли на Новоселовку.

2-е марта. День стояли спокойно. Было общее собрание командиров, постановили: выдать повстанцам по 1 000 рублей жалования, командирам — по 1 500. Кроме того, собрание высказало мысль о решительном наступлении на красных с целью добычи оружия.

3 марта. Утром выехали на Федоровку, где зарубили присланного предревкома и выехали в Конские Раздоры. На разъезде Магедово взорвали желдорогу и провода; разбили

телеграфный аппарат и пустили на Пологи паровоз.

4 марта. С утра поднялась паника. Красные наступают из Полог и бьют с бронепоезда. Пьяный С. Каретников на площади стрелял из пулемета и этим создал панику. Наша цепь думала, что красные охватили их с тыла и сели на тачанки. Мы бросились в атаку на бронепоезд, который, сдрейфив, удрал, а мы благополучно перешли желдорогу и вечером приехали в Гуляй-Поле.

5, 6, 7 марта. Стояли в Гуляй-Поле. Батько запил еще с Федоровки. Он ходит с ребятами по знакомым и под гармошку танцует. Крестьяне смеются, а он злится и с “библея” стреляет повстанцев, сидящих дома и не желающих воевать. Со своими “холуями” он сел на лошадь и посещал повстанцев, обругивая их по-матерному. Встречая на улице бывших махновцев, он избивал их плеткой. Двум даже разбил головы, а одного загнал в реку на лед. Он провалился, а потом выкарабкавшись, обмерзший бежал на Бочаны. На улице поймали Коростылева, избили, а вечером расстреляли за то, что красным выдал три пулемета. Собрали митинг, но крестьяне не явились, а бывшие махновцы, не желая с красными войны, от нас прятались.

9 марта. Выехали в Шагарово и спокойно простояли два дня.

12 марта. Переехали в Успеновку. У крестьян было много самогона — мы все были навеселе. Вечером приехал Тарановский с двадцатью пологовцами. Они рассказывают, что в Пологах красные арестовывают и расстреливают всех махновцев, берут заложников — нет жизни.

13 марта. Стоим в Успеновке. Ночью пьяный повстанец бросил в комнату своей барышни ручную гранату, взорвавшуюся, но никого не убившую. На допросе он говорил: “А почему она не пошла со мной спать”. Повстанца расстреляли.

14 марта. Выехали на Б. Михайловку, где убили коммуниста и бывшего махновца, который организовал банду и лазил по хатам. Под вечер выехали на Гавриловку, в которой стояли до вечера.

15 марта. Из Гавриловки выехали на Комарь. По дороге сожгли немецкую колонию Мариенталь за то, что немцы убили нашего разведчика. Убили 30 мужчин и забрали их лошадей. В Комаре греки выдали немца, бежавшего из Мариентали. Он просился, но Махно саморучно расстрелял. Накануне здесь был 22-й советский карательный полк, расстреливавший бывших махновцев. Так, в Комаре он расстрелял 7 человек, в Богатыре — 10 и сжег две хаты, в Константине — 12 человек и сжег одну хату.

16 марта. Выехали на ст. Андриановку и с налета взяли 3-ю роту 22-го карательного полка. Вчера эта рота расстреляла 15 махновцев и сожгла 5 дворов. Крестьяне были напуганы. Когда же мы пришли, они проявили героизм, учинив расправу с пленными. Их было 120 человек, во главе с коммунистами, которых крестьяне избивали палками, кололи вилами и расстреливали по одному и группами. Пленные, со связанными назад руками и догола раздетые, расстреливались из пулемета С. Каретниковым, Калашниковым и Поповым. Под вечер мы снова вернулись в с. Богатырь. Проезжая мостик, Махно чуть не свалился в реку: испугавшаяся лошадь прыгнула в воду, увлекая с моста тройку. Галина успела выскочить,

поташив с тачанки батька. Кучер купался. Тачанка и одна лошадь погибли.

17 и 18 марта. В с. Богатырь митинговали и оставили в нем Огаркова для организации отряда. Сами поехали в Б. Янисоль. Здесь работал Буданов и скрывался Пашкевич, который транжирил армейскими деньгами, как только хотел. Будучи начгарнизона Екатеринослава, он получил от буржуазии 5 миллионов рублей контрибуции и не сдал их в армейскую кассу. В течение 2-х месяцев он сидел в Янисоле, устраивая вечеринки. Когда мы потребовали отчета, он сказал: "Я виноват". Было совещание командиров, которое вынесло Лашкевичу смертный приговор. Мои ребята постановление привели в исполнение: Лашкевич расстрелян и брошен на улице. В селе Времеевка расстреляли махновца, который, обогатившись при снабжении в Екатеринославе, сидел дома и не хотел уходить с нами.

С 23 по 28 марта. Стояли в с. Всесвятском и Павловском. Здесь разбили 2-ю роту 22-го полка и расстреляли четырех махновцев, которые не желали с нами уходить.

С 29 марта по 1-е апреля. Проходили Владимировку, Константиновскую и расстреляли пять махновцев за отказ поступить в отряд.

2 апреля. Заняли село Марьевку и расстреляли председателя ревкома и трех продармейцев, а также одного махновца, ставшего милиционером. Стояли до 8-го апреля и митинговали. Бывшие махновцы не хотели вступать к нам в отряд, и Махно на них кричал и ругался.

12 апреля. Стоим в с. Константине. Кожин остался формировать отряд в Марьевке, а Маскалевский[850] (Золотой зуб, как его прозвали белогвардейцы) уехал с 10 повстанцами в с. Еленовку.

23 апреля. Тронулись в с. Янисоль, где изрубили один взвод 22-го полка и расстреляли двух махновцев-греков, передававших сведения красным и начавших организовывать комитет бедноты.

25-го апреля. Внезапным налетом, с боем заняли Марьинку, где полностью взяли в плен 377-й стрелковый полк Украинской трудовой армии вместе с командирами и обозом. Командиров и комиссаров расстреляли. Был митинг, и часть пленных перешло к нам, остальных отпустили под честное слово с нами не воевать. Оружия много, есть и добровольцы.

28-го апреля. В районе Гуляй-Поля был бой с частями 14-й кав. дивизии 1-й Конармии. Отпечатали обращение к красноармейцам фронта и тыла.

29-го апреля. Утром бригада 14-й кав. дивизии атаковала Гуляй-Поле с востока и начала обходить его с юга. Был бой, но, опасаясь окружения, и в результате громадного перевеса сил, решили отойти.

30-го апреля. У Ново-Павловки был бой с частями 4-й кав. дивизии. Решили уходить с полосы движения маршевых колонн 1-й конармии, отойдя на с. Богатырь. Но и здесь пришлось вести бой с бригадой 6-й кав. дивизии. По данным разведки определен маршрут движения Конармии. Очевидно, уйдем на юг.

1-го мая. С боем заняли Святодуховку и взяли в плен красную роту: командиров расстреляли, красноармейцев — отпустили.

2-го мая. Вышли на Гайчур, где взяли батальон красноармейцев: командиров расстреляли, рядовых отпустили. Здесь красные расстреляли 15 махновцев, а Махно был в восторге, ибо красный террор вынуждал повстанцев вливаться к нам в отряд. Был митинг, после которого 50 человек вступили к нам.

3-го мая. Мы налетели на с. Цареконстантиновку и вступили в бой с красным полком и бронепоездом, который накануне расстрелял 30 махновцев, сжег десять домов и увел много заложников. Налет был настолько неожиданным, что полк целиком был взят в плен, за исключением командиров, бежавших на бронепоезде. Провели митинг, батальон красных перешел на нашу сторону и влился в отряд. Цареконстантиновцы также записывались к нам. Вечером я расстался с отрядом, ушедшим на Конские Раздоры, чтобы налететь на Пологи. Я еду в Новоспасовку для связи»[851].

Так повествовал дневник начальника армейской контрразведки Голика, приехавшего к нам для связи.

Нам было понятно стремление гуляйпольцев — черным террором вызвать к активной деятельности старых повстанцев-махновцев, в январе месяце распущенных по домам. Но отношение сидящих дома к активным, воюющим махновцам было безразлично: они устали от борьбы и подчинились военной силе, которая диктовала им свои законы.

Тем временем наголову разбитая Деникинская армия оставляла Украину и Кавказ. Войска левого фланга (Шиллинга и Драгомирова) прекратили свое существование с занятием Красной Армией 7-го февраля г. Одессы, 14-го февраля — Николаева и Херсона. Правый фланг (Кавказский) также стремительно отступал под напором красных, занявших: 23-го февраля — Ростов; 9-го марта — Ейск, Тихорецкую; 17-го марта — Екатеринодар, 21-го марта — Туапсе; 24-го марта — Грозный; 27-го марта — Новороссийск; 30-го марта — Владикавказ, Темир-Хан-Шуру и Петровск[852]. Таким образом, в течение 2-х месяцев Красная Армия вытеснила Деникина с Северного Кавказа и укрепилась на берегу Черного моря.

Но тяжелый украинский фронт, занимаемый 13-й армией, топтался на одном месте. Эта армия наступала на Крым, защитники которого искали убежища в горах. И, если бы она не увлеклась махновщиной, естественно, легко могла бы опрокинуть в море корпус Слащева и без боя заняла бы Крым. Но, не подозревая опасности, ее дивизии, бригады и полки задерживались в махновском, довольно обширном, районе, чтобы выкачать оружие и ликвидировать повстанчество.

15-го марта 1920 г. В. И. Ленин писал Э. М. Склянскому:

«Т. Склянский! Нужно постановление РВС: Обратить сугубое внимание на явно допущенную ошибку с Крымом (вовремя не двинули достаточных сил), — все усилия на исправление ошибки... Ленин»[853].

Из всей 13-й армии в январе 1920 г. бои против войск Слащева вела только 46-я дивизия этой армии[854]. Основные ее силы были в районе повстанчества, где проводили политику «каленного железа»Троцкого.

Слащев же за это время закрепил Перекоп и Сальково, удерживая пассивного противника и надолго сохраняя единственный участок белогвардейщины на юге России.

Как всегда бывает после поражения, так и в лагере белых искали виновных в происшедшем.

Процветали интриги и компроментации. Низшее офицерство было развращено, за время империалистической и гражданской войн своими начальниками и не имело определенного лозунга, за которым пошли бы массы — колебалось. Триединый лозунг, «За Бога, царя и Отечество», которым 200 лет «военщина»России воспитывалась — мало кого волновал. Кадровое офицерство, воспитанное в духе монархизма, политикой не интересовалось, в ней ничего не смыслило, не было даже знакомо с программами отдельных партий и не проявляло к ним интереса. Всюду проявлялось недоверие и неуважение к высшему командованию. Генерал Врангель обратился к генералу Деникину с резким письмом, с упреками за сделанные ошибки, за личное сомнение и честолюбие, которые принесли вред общему делу и т. д. Это письмо Врангель размножил и распространил в войсках. Деникин приказом удалил Врангеля со службы и предписал ему покинуть Крым.

Главкомандующим в Крыму был назначен скомпрометировавший себя, эвакуировавший из г. Одессы генерал Шиллинг.

Сам Деникин в начале новороссийской эвакуации бросил армию на произвол судьбы, пал духом.

Интриги продолжались, пока не родился приказ № 2899, от 22 марта 1920 г: «1. Генерал-лейтенант барон Врангель назначен Главкомандующим Вооруженными силами на Юге России. 2. Всем, честно шедшим со мной в тяжелой борьбе, низкий поклон. Господи, дай победу Армии спасти Россию.

Генерал-лейтенант Деникин»[855].

Отвесив поклон, деникинщина была окончательно ликвидирована и начала вырастать Крымская врангелевщина.

Дивизии Добрармии, успевшие погрузиться на пароходы, с Кавказа были брошены в Крым на подкрепление Слащеву. И в последний раз крымский участок к апрелю становился грозным Крымским фронтом. Барон Врангель приводил в порядок части, укрепляя Перекоп, готовился к весеннему наступлению. 13-го апреля он атаковал северную Таврию и узнав, что гуляйпольцы во главе с Махно начали боевые действия в тылу Красной Армии, заговорил о союзе с батьком. Но так как первое наступление было пробное, то Врангель после вылазки снова отошел в Крым и отсиживался за перешейками до июня месяца.

Таким образом, исключая Крым, Северный Кавказ, Дон, и Украина к маю были очищены от Деникина и, вообще, от белогвардейщины.

Тем временем, красное командование организовало Юго-Западный фронт и 26 апреля 1920 г. выдвинуло армию на линию Днестра и севернее от него до Мозыря. Польской армии с юга, то есть с Украины, угрожала красная опасность. Остатки петлюровцев неизменно отступали на Шепетовку, готовую с каждым днем перейти в руки Красной Армии. И белополяки бросили на Киев 3-ю армию генерала Кальницкого. Началось наступление.

В результате боев Юго-Западный фронт к 15-му мая отступил на 240 верст на линию Днепра от Речицы до Канева, откуда линия проходила на юго-запад через Звенигородку, Умань и Ольвиополь. Поляки заняли среднее правобережье Днепра и 6-го мая вступили в Киев. На западном фронте они также поддерживали наступление, главным образом, в Полесье.

За годы гражданской войны украинские железные дороги пришли в негодность, и Красная Армия, ликвидировавшая деникинцев на Кавказе, перебрасывалась на польский фронт своим ходом, имея к тому же задание проутюжить непокорные повстанческие районы еще раз.

В. И. Ленин писал членам Совета Труда и Оборона: «...предлагаю разработать следующее постановление: 1. Войскам Кавфронта идти пешком через всю Украину, рассчитав маршрут так, чтобы в каждую волость (из 1 900 приблизительно волостей Украины) заходила дважды, через определенный промежуток времени, сначала конная, потом пешая часть для выполнения (и затем проверки выполнения) следующих задач: а) сбор продовольствия (по разверстке); б) составление на месте, то есть в каждой деревне, под охраной местных крестьян и под их ответственностью двойного (против разверстки) запаса продовольствия (ссыпанного в амбаре, в доме попа, помещика, богача и т. п.)... в) составление (и проверка) списка «ответственных» крестьян (из местных богачей; сверху, то есть по степени наибольшего богатства выделяется 5-20% и т. д. хозяев на каждое село, смотря по его величине).

«Ответственные» крестьяне лично отвечают за выполнение продовольственных и других заданий власти.

После ухода войска специальной задачей местной власти (за неисполнение этой задачи — расстрел) является ведение и сохранение этого списка; г) разоружение крестьян-богатеев.

Полный сбор оружия. Ответственность за найденное оружие на начальнике воинской части; за незаявленное оружие на том, у кого найдено (расстрел), и на всей группе «ответственных» крестьян (штраф), но не деньгами, а хлебом, вещами; конфискация имущества, арест, работы в копах... 3. В «упорных» волостях или селах воинские части организуют «третье посещение» (войском), либо остаются на постой подольше (до 2-х недель) для наказания и исправления...» [856].

1-я Конная армия в конце апреля развернутым фронтом подошла со стороны Ростова к махновскому району..

Махно, соприкоснувшись с авангардной 1-й Конной и захватив в бою четыре орудия и 200 сабель, спустился на юг, в Бердянский район, уйдя, таким образом, с пути буденновцев. Перешедшие к повстанцам буденновцы рассказали следующую трагедию, постигшую штаб

непобедимого конкорпуса Думенко[857].

Примерно 10 января 1920 г. член РВС 9-й армии Анисимов отослал телеграмму члену РВС 9-й Белобородову и командарму 9-й Степину, в которой говорилось:

«Думенко определенный Махно и не сегодня, так завтра повернет штыки. Если это не делается сейчас, то только потому, что не совсем твердо чувствует почву под ногами. Разрешает своим красноармейцам громить винные лавки, насиловать женщин и всюду открыто агитирует против Советов. Считаю необходимым немедленно арестовать его силами Партизанской бригады (комбриг Жлоба — А. Б.) как можно быстрее. Иначе будет поздно. Поговаривают о сговоре и соединении с Буденным. Отвечайте, если согласны, немедленно произведем арест»[858].

Началась травля командования и штаба корпуса.

В это время неизвестно кем был зарублен комиссар корпуса. Этого оказалось достаточно, чтобы родилась очередная телеграмма: «Члену РВС Юго-Западного фронта Сталину. Миллерово, 25-го февраля, 1920 г. 20 час.

Думенко и его штаб арестованы. Смилга решил устроить Мироновскую комедию. Обвинение: убийство комиссара корпуса, бандитизм, подготовка мятежа, вероятно, завтра доставят сюда.

Орджоникидзе»[859].

Троцкий спешно готовил расправу и для организации процесса выделил команду ярых своих сторонников: Белобородова, Анискина, Смилгу, Розенберга, Колбановского, Зорина и др.

Войска, узнав о случившемся, вознегодовали, но, увлеченные боями и преследованиями белых, ушли на Кавказ.

Как я уже упоминал, в апреле 1-я Конная армия с Кавказа перебрасывалась на польский фронт и путь ее проходил через Ростов, где в тюрьме ждали расправы: Думенко Б. М., Абрамов М. Н. — нач. штаба корпуса; Блехерт И. Ф. — нач. оперативного отдела штаба корпуса; Колпаков М. Г. — нач. разведки штаба корпуса; Кравченко С. А. — нач. снабжения 2-й бригады; Носов Д. Г. — комендант полевого штаба корпуса; Ямковой И. М. — комендант тылового штаба корпуса.

Конники вместе со своими командирами, тысячами осаждали тюрьму, задавая один и тот же вопрос: «Где Думенко? За что посадили Думенко?» Грозил разнести тюрьму по кирпичу. Появившийся слух, что Думенко уже расстрелян, разъярил взбунтовавшиеся полки и власть имущие вынуждены были предоставить свидание представителям войск с Думенко.

Полки заявили: «Без Думенко на Польшу не пойдем». И открыто отклоняли все приказы о выступлении. Обстановка накалялась. Это был бунт, который в мгновение мог перерасти в штурм тюрьмы. Армейское руководство предложило выбрать на суд представителей от каждого эскадрона, батареи, команды и дать им наказ, чтобы и волос не упал с головы

Думенко. Только после этого конники покинули Ростов и двинулись через махновский район на Польский фронт.

Забегая вперед, хочу сказать, что выборных в зал суда не допустили, а Думенко, Абрамов, Блехерт, Колпаков были расстреляны, остальные приговорены к большим срокам лишения свободы[860], на что 1-я Конная армия позже отзовется весьма недоброжелательно.

А пока она, сникшая, проходила села, «вижигая махновскую язву», выкачивая оружие, расстреливая махновцев, когда-либо бывших в Повстанческой Армии и ныне сидящих по домам и уставших от войны. Махновцы очутились в положении затравленных и должны были защищать свои жизни.

В протоколе заседания Мариупольского уездного партийного комитета от 8 мая 1920 г. говорилось:

«Слушали информацию тов. Талиева о Махно. Левые эсеры принимают активное участие в махновщине совместно с анархистами. Армия малочисленная. Население крестьянское относится к Махно отрицательно. В Мариуполе имеются 11 женщин и 2-е мужчин для связи и подпольной работы. Политработой руководит Уралов, а исполняют культурно-просветительную работу левые эсеры.

Вооружение: около 800 сабель, 29 годных пулеметов, 24 — негодных; около 100 человек, приближенные Махно; 1 орудие 3-х дюймовое и 2-6-ти дюймовых, снарядов 11 шт.

Постановление:

«Обсудив информацию агентов политбюро и создавшееся тяжелое положение в Мариупольском уезде и его окрестностях в связи с возобновлением активных операций и агитаций в этом районе шаек батьки Махно в тесном контакте с эсерами, по-видимому решили повести беспощадную борьбу, направленную исключительно и в целом против соввласти, разрушая продорганы и расстреливая всех и вся, даже безобидных агентов продовольственников и милиционеров; совершенно беспартийных, исполняющих только обязанности несения охраны общественного порядка; призывая во всех своих воззваниях полное уничтожение коммунистов и представителей власти.

Во-вторых, свои действия Махно координирует несомненно с действиями белых банд, таким образом, получив от белогвардейцев нужное снаряжение ведет совместную борьбу против Советской власти.

Настоящее положение может создать для белых возможность при поддержке с тыла шаек Махно; произвести высадку десанта на побережье Азовского моря, признаки которых уже проявились.

Данные, свидетельствующие о координировании действий Махно с белыми, имеются в достаточном количестве в агентурных сведениях бюро (это ложь, в которой позже признаются сами затейники. — А. Б.), где зафиксировано заявление самого Махно в пьяном виде на митинге к крестьянам, что если крестьянство за ним не пойдет, то он откроет

белым фронт.

Эти соображения подтверждаются также совместными действиями белых с Махно, имевшими место 2-го мая в гор. Мариуполе. Когда белые обстреливали город, Махно в это время начал активные действия с тыла, стремясь перерезать путь на Волноваху.

В-третьих, состояние шаек Махно можно считать в настоящий момент в полном упадке, не пользующихся никакой популярностью у крестьянских масс; так как крестьянство за ним не идет и относится сочувственно к Соввласти.

Поэтому партийный комитет считает настоящее время лучшим моментом покончить с Махно, навсегда вырвав, таким образом, главный корень кулацкой контрреволюции.

Для этого нужно: 1. Немедленно самыми решительными мерами и средствами военной силы уничтожить разлагающуюся банду и разоружить кулаков.

Это должна исполнить XIII армия, бросив для этой цели достаточно силы, чтобы операция по ликвидации Махно прошла как можно быстрее; причем должна вести самую широкую политическую работу армия в контакте с Упарком, который в курсе всех дел. 2. Необходимо вести, как на местах, так и в центре агитационную войну газетами, листовками и устной пропагандой против всех агитаций махновцев и эсеров. Для этого нужно иметь срочно в Мариупольском районе литературу по всем вопросам, бумагу для печатания листовок и газет, иначе широкие слои населения не будут ограждены в удобный момент от влияния на них Махно. 3. Срочно произвести расслоение деревни, дав полную возможность беднейшему крестьянству вести борьбу с кулачеством, которое является оплотом махновщины.

Излагая все вышеуказанное, Упарком просит обратить на это самое сугубое внимание центра и дать для этого необходимые силы и средства, приняв самые решительные меры к ликвидации банд, ибо местных сил совершенно недостаточно. Для этого тем более, что эта борьба имеет общегосударственное значение»[861].

7-го мая отряд Махно занял с. Андреевку, вблизи которой мы скрывались. Здесь он расстрелял 7 бывших махновцев за то, что не желали вступить к нему в отряд. 8-го мая он занял Николаевку, изрубив до 20 красноармейцев заградительного отряда и 5 милиционеров, бывших махновцев.

Наша новоспасовская группа обсуждала вопрос момента, когда от Махно прибыл агент. Было решено продлить союз с гуляйпольцами, и мы соединились с ним в с. Николаевке.

Численность основного отряда Махно в то время не превышала 500 сабель, 700 штыков на тачанках при 50-ти пулеметах и 8-ми орудиях.

— Вы что же это сидите в подполье и не проявляете себя? — был первый вопрос Махно. — Или хотите передаться на сторону красных, тогда уходите к черту и будем драться!

— О, нет, батько, мы за это время так хорошо вспахали почву, что, если бы они и хотели перейти, то и тогда бы их красные пошлепали! — иронизировал Калашников.

Вначале отношение к нашей группе гуляйпольцев было натянутое и даже враждебное. Нас подозревали в измене анархической революции. Однако, подозрение рассеялось, как только открыли заседание командного состава.

Чтобы продолжить существование махновского движения и спасти от смерти повстанцев, собрание решило форсировать организацию армии.

Итак, наша новоспасовская группа (50 человек) во имя самосохранения и свободной трибуны соединилась с гуляйпольской, заключив союз. Здесь же Махно был избран командиром, я — начальником штаба армии.

Вечером 8-го мая 1920 г. мы вышли на Новоспасовку, где провели митинг и записали в армию 150 старых повстанцев-добровольцев.

Поднимаясь в Александровский уезд через с. Софиевку, Черниговку, Кирилловку, Басань, Петропавловку, мы принимали новые группы бывших повстанцев.

Утром 12 мая со стороны Полог красный пехотный полк атаковал восточную часть Басани. Но будучи окружен нашей кавалерией с флангов, отступил, бросив на пути пулеметы и четыре орудия. С нашей стороны было 5 убитых, раненых до 20 человек, в том числе и я. Красный полк был настигнут на ст. Пологи, и, пользуясь прикрытием бронепоезда, малая часть его отступила на Воскресенку. Мы заняли ст. Пологи и только вечером вышли на Гуляйполе, где взяли пехотную бригаду 42-й дивизии. К счастью, ни один пленный не был расстрелян. Часть бригады, до 800 человек, добровольно вступила в армию. Кроме того до ста гуляйпольцев усилило нашу конницу. Здесь мы попали в сферу движения 1-й Конной армии, которая с Кавказа проходила на польский фронт. Совещание штаба по поводу налета на кавчасти Буденного высказалось положительно, и на следующий день, 14-го мая мы подошли через Святодуховку и Туркеновку к Н. Успенровке, где стоял штаб 6-й конной дивизии. В 5–10 верстах, в ближайших хуторах расположилась 11-я конная дивизия. Начало боя сулило нам успех. Наша пехота (2 000 штыков) проникла в село и захватила много пленных, штаб и пять бричек денег — армейская касса. Но пехотинцы, прежде, чем оседлать отбитых коней, копались в обозе, в котором было много вещей, как-то: граммофоны, обмундирование и прочее. Это замедлило результат боя. Тем временем, красные кавбригады охватили нас со всех сторон и перешли в атаку. Естественно, мы должны были драпать, да так, как никогда. Красные нас гнали по грязи на Туркеновку, Святодуховку и Керменчик, отхватывая обоз, пулеметы и орудия. Мы потеряли 2 000 штыков, 500 сабель, 50 пулеметов, 12 орудий, то есть то, что было собрано в течение 4-х месяцев.

Захваченные в плен махновцы были расстреляны и изрублены, но многие, рассеявшись разными путями, укрылись в селах.

Итак, наша «армия» 15 мая насчитывала 150 сабель и 10 пулеметов. Что можно было с ней делать? Однако штаб не падал духом. Нами было решено из с. Старый Керменчик (Старомлиновка) подняться к северу (первый рейд), где соединиться с отрядами Кожина и

Москалевского, влить в армию другие отряды повстанцев, дать о себе знать уездам Екатеринославщины, активизировать действия повстанцев на левобережье Днепра.

Вечером в селе Ново-Андреевке, что в 10 верстах западнее ст. Волновахи, был бой с батальоном ВОХРА, который с 6-ю орудиями целиком попал в плен и присоединился к нам. В «армии» уже появилась пехота (500 штыков и артиллерия). В Марьинке присоединился к нам Кожин с 30-ю пулеметами и сотней конных, а двумя днями позже прибыл Москалевский с 500 кавалеристами.

Насилие красных провоцировало вооруженное сопротивление населения, которое организовывалось почти повсеместно в боевые отряды.

Так, например, 19 мая 1920 г. из Мелитопольского уезда в Екатеринославскую ЧК докладывали: «Для борьбы с бандитизмом в Мелитопольском уезде необходима теперь же одновременная операция по всему уезду (донесение шифрованной телеграммы 10.V за № 175), вслед за которой должна быть на месте постоянная хорошо организованная вооруженная сила, хотя бы сабель в сто, для предотвращения новых выступлений, так как население Мелитопольского уезда имеет 20% бандитов и 60% кулаков и Полит. Бюро не гарантировано за то, что если не будут приняты немедленно меры к ликвидации, то Мелитопольский уезд превратится в заразный барак бандитизма, эпидемия которого может распространиться и на другие районы, как это имело место в прошлом году, когда уезд в буквальном смысле изнывал под тяжестью двадцати «батек» и все благодаря своевременно не принятым мерам.

Завед. Полит. Бюро Семенов»[862].

Тогда же Начальник тыла армий Юго-Западного фронта приказывал:

«По донесению начтылдива 42, разбитая наголову в районе Гуляй-Пояе частями 2 кавдивизии банда Махно, появившись 22 мая в с. Константиновка в составе 200 – 300 кавалеристов при ручных пулеметах, произвела налет на Новомихайловку (15 верст западнее Еленовки), принудив отойти стоявший там полк к ст. Еленовка и захватив два орудия.

Прикажете начальнику тыла Донецкой губернии немедленно принять меры к прикрытию Донецкого узла, выделив в Юзовский район один из батальонов ВОХР, дабы не дать возможности преследуемой кавалерией банде прорваться в Донецкий бассейн...

Начтылюгзапфронта Эйдеман...»[863].

Положение красных на Екатеринославщине было настолько не авторитетно, что Екатеринославская губчека вынуждена была объявить следующее:

«№ 153. Объявление Екатеринославской губчека об ответственности лиц, отказывающихся принимать советские денежные знаки. 25 мая 1920 г.

За последнее время в городе наблюдаются случаи отказа торговцами в принятии денежных знаков РСФСР, главным образом крупных купюр последнего выпуска.

Предупреждаю, что отказ в принятии таковых будет рассматриваться как непризнание Советской власти и виновные будут привлечены к ответственности по законам военного времени.

Председатель комиссии Рудаков. Секретарь Волжин»[864].

29-го мая «армия» заняла Александровку, что в 20-ти верстах южнее Барвенково.

Здесь на общем собрании избрали новый состав Реввоенсовета, в который Махно вошел как председатель, я — новый заместитель и Хохотова — секретарь. Старый Реввоенсовет, а с ним и его армейские функции утратили свое значение в силу разбросанности повстанческих сил. Поэтому собрание решило переименовать его в «Совет Революционных Повстанцев Украины/махновцев», с функциями, объединяющими махновское повстанчество на Украине в целом. Совет складывался из отделов: а) оперативного, б) административно-организационного и в) культурно-просветительного. В состав оперативного отдела входило три человека: Махно, Калашников и я (начальник отдела). В состав административно-организационного отдела входили: Куриленко (начальник), С. Каретников и Бондарец. В культурно-просветительный отдел избрали: Буданова (начальник), Попова и Матросенко. Каждый отдел имел присущие его специфике положения, в которых указывались задачи, методы работы, ответственность.

Вот, например, «Общие основания (положения) культурно-просветительного отдела Революционной Повстанческой Армии Украины (махновцев)»:

§ 1. Цели и задачи отдела.

Культурно-просветительный отдел Армии Повстанцев (махновцев) разбивается на два подотдела: организационно-пропагандистский и агитационно-пропагандистский — имеет своей задачей широкую культурно-политическую и организационную работу среди крестьянства, рабочих и армии.

Главными задачами в этой работе являются — организация крестьян, рабочих и повстанцев на почве трудового безвластного строительства жизни. Организация экономических союзов крестьян и рабочих, имеющих цель приучить тех и других к самостоятельному ведению своей жизни. Установление революционной связи между крестьянством и городским пролетариатом в целях непосредственного продуктообмена через трудовые кооперативы рабочих и крестьян и товарищеской взаимопомощи. Все это Должно в конце концов привести к утверждению трудового и безвластного общежития крестьян и рабочих.

Примечание: к § 1-му. Культурно-просветительный отдел ни в коем случае не может в своей работе допускать приемов политических партий, обещающих освобождение труда при помощи захвата партией политической власти, так как основным принципом махновского

движения является: освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся.

§ 2. Методы работы отдела.

Культурно-просветительный отдел, беря за правило основные принципы махновщины — безвластность и самоуправление трудящихся — отвергает, безусловно, методы борьбы всех политических партий, которые неизменно стремятся к диктатуре и навязывают массам свою волю.

Придерживаясь принципа массового творчества, культурный отдел во всех случаях революционной борьбы и революционного строительства является лишь советником трудящихся, идейным организатором их и передовым бойцом мысли и дела.

§ 3. Дисциплина.

Членом отдела может быть всякий товарищ, разделяющий основные принципы движения, выраженные в декларации Реввоенсовета армии от 20-го октября 1919 года. При этом поведение его в прошлом и настоящем должно отвечать принятому в отделе уровню. Всякий член отдела, вступая в последний, берет на себя моральную обязанность проводить в жизнь принципы и задачи отдела. Взятые на себя членами отдела обязательства должны быть выполняемы. Выступающие от имени отдела товарищи должны иметь соответствующее удостоверение. Члены отдела дают отчет перед отделом о выполненных ими поручениях.

Весь отдел в целом, через заведующего отделом, дает периодически отчет, о своей деятельности перед Советом Революционных Повстанцев Украины.

Прием в отдел новых членов совершается решением коллегии отдела по рекомендации принимаемого кого-либо из членов отдела или ответственных представителей движения.

Исключение из отдела совершается коллегией или, если этого не достаточно, решением общего собрания членов отдела.

Исключения проводятся за нарушения основных положений об отделе или за позорящие отдел или все махновское движение поведение»[865].

Примерно в это время Изюмский уездный комитет КП (б)У докладывал в Харьков:

«В ночь на 28 мая предисполкому т. Латышеву и предупарткорму т. Петрову было сообщено из Барвенково, что в районе Золотой Колодезь, Александровской, Михайловской и Гавриловской волостей Изюмского уезда появились вооруженные отряды махновцев в количестве 2 000 пехоты и 300 сабель и что Александровский и Михайловский волисполкомы эвакуировались в Славянск – Краматоровку.

После переговоров со Славянском, который подтверждал появление банд утром 28 было созвано экстренное совещание президиумов уисполкома и упарткома, на котором было решено мобилизовать и объявить на осадном положении членов партии и союз коммунистической молодежи, перевести их на казарменное положение, организовать оперативный штаб группы.

Оперативный штаб, выяснив малое наличие реальной силы, обратился по прямому проводу в Харьков за поддержкой. Из Харькова прибыли: пехота артиллерия и кавалерия — в распоряжение начальника Изюмской войск. Двор и помещение упарткома были превращены в военный лагерь.

Сил было недостаточно по плану оперативного отдела. Положение до прибытия подкрепления весьма тяжелое.

Наряду с партийной работой комитет руководил и разведкой, благодаря которой Изюмский военный комиссариат почти весь арестован, прибывшим в Изюм 31 мая особоуполномоченным штаба Юго-Западного фронта...»[866].

В это же время в политсводке информационного отдела Донгубисполкома о положении в Донбассе говорилось: «Ряд сведений, полученных с мест, рисуют рост бандитизма, охватывающего некоторые районы.

В Гришинском районе банды силой в 300 сабель 25 мая заняли село Гродовку. В 15 верстах от Гришине 30 мая в районе деревень Степановки и Викторовки произошел бой с бандитами. Разведка противника доходила до станции Доброполье. Под давлением сил противника разбит отряд. Потеряли 2 орудия, до 100 человек пехоты и отряд учебной школы.

По сведениям, полученным 30 мая, банды группируются частью в северном направлении на Гришине и частью продвигаются в пределы Харьковской губернии. В Гришине прибыла 126-я бригада, 2 бронепоезда и пройти бандам едва-ли удастся.

Алчевский район: 31 мая в районе села Черкасское возле станции Зимогорье появилась банда до 100 человек. Захватив часть милиции с собой, а часть ее перебив, направилась на юг мимо станции Славяносербск.

В районе Родаково появилась банда, к выяснению и преследованию приняты меры.

На хуторе Нижняя Герасимовка обнаружена подпольная контрреволюционная работа. Найдены оружие и пулеметы.

Из Бахмутского района сообщают: 31 мая в районе станции Кривой Торец и деревень Екатериновка и Смольниково появились конные разведки бандитов. Предупрежденные крестьянами, они скрылись. Появилась разведка в районе Константиновки.

Старобельский район: появившаяся банда в селе Петропавловском 28 мая, совершив налет на исполком, захватила деловые бумаги, разгромила милицию, обрезала телефонные и

телеграфные провода и скрылась по направлению к соседнему селу.

В Волновахском районе оперируют банды. Для охраны железной дороги выслан десантный отряд.

Все эти разнохарактерные сведения свидетельствуют о том, что банды Махно представляют ныне отдельные, разрозненные, оторвавшиеся группы. Ликвидация махновских банд продолжается энергично. По последним сведениям Махно с остатками своих банд стремится пробиться на север к Изюмским лесам»[867].

Насколько серьезно относилось красное командование к ликвидации волнения говорит и приказ по чаплинской группе войск ВОХР от 31 мая: «...приказано в двухнедельный срок ликвидировать банды Махно, произвести чистку населения и выкачать все находящееся у населения оружие.

...§ 3. При проведении операции учесть отсутствие активных банд, поэтому всем отрядам не распыляться для обысков и арестов, а посылать небольшие отряды, широко пользуясь обывательскими подводами, а большую часть отрядов начальникам держать наготове, посылая все время в глубокие разведки для наблюдения. При выполнении операции строго и неуклонно руководствоваться инструкцией по борьбе с бандитизмом и кулачеством. Для успешности операции в каждый отряд будут командированы сотрудники особого отделения. Всем начальникам проявить максимум энергии при проведении в жизнь этого приказа...

Командующий Чаплинской группой Стеслицкий

Врио начальника штаба Павлов»[868].

А Совет Революционных Повстанцев Украины (махновцев) обрастал новыми силами. Жестокость красных создавала для этого хорошую почву. В каждом уезде крестьянские группы, недовольные продразверсткой, земельным законом, гонениями, смутной перспективой, обсеявшись, начали организовывать новые отряды, которые вливались в нашу армию. 6 июня через Павлоградский и Новомосковский уезды мы следовали в свой район, отбив на станции Зайцеве продовольственный поезд № 423, шедший на фронт.

В перестрелке нами взято 200 винтовок, 2 пулемета, 30 тыс. патронов, 2 вагона спичек, 2 вагона соленой рыбы, много обмундирования, другого военного добра. Некоторые красногвардейцы с командирами и военками убежали в степь, около 100 человек пленных отпустили[869]. Часть из них пожелали остаться с нами.

А в сводке информационного отдела ЦК КП(б)У о партийной работе и положении в уездах Екатеринославской губернии в это время говорилось: «...Положение в уездах.

В начале июня волна махновщины широко разлилась по губернии. 5-6 июня махновские банды грозили самому г. Екатеринославу. Вся организация была поставлена на военную ногу, члены партии мобилизованы, умеющие владеть оружием были направлены на фронт, а женщины на санитарную работу. Был образован Коммунистический батальон из 429 человек. Благодаря принятым мерам, угроза махновщины была ликвидирована, батальон

распущен, за исключением 50 человек, отправленных для мобилизации нетрудового элемента.

Ежедневно в каждом уезде и волостях появляются небольшие шайки в 10–15 человек, а иногда и крупные, но быстро исчезают.

Мобилизация за пять лет проходит слабо. В волостях на собраниях наши резолюции проваливаются. Тем не менее, в последнее время значительная часть мобилизованных является.

Основными недостатками нашей организации следует признать: 1. Организационную слабость, недостаточность спайки и слабую работоспособность наших ячеек. 2. Крайний недостаток в организаторах и инструкторах. Все же при наличии средств связи, достигнуты значительные результаты работы: вовремя начата перерегистрация организации, несмотря на угрозу повстанчества...[870].

7-го июня мы переходили железную дорогу у ст. Ульяновки и имели бой с двумя красными бронепоездами: «Советская Россия» и «Червоный казак»[871] которые бежали на Чаплино.

С 15 мая по 8 июня в Павловском, Новомосковском, Бахмутском уездах армия выросла до 5 000 штыков и 1 000 сабель, 6 орудий, 180 пулеметов. 12-го июня она заняла Гуляйполе, а 13-го — Успеновку. Здесь ожидала нас группа набатовцев: Барон с женой, Алым[872], Теппер и другие, приехавшие из Харькова, а также Марин с екатеринославцами. Армия была отведена в Большую Михайловку на стоянку.

Первый рейд в 560 километров знаменовал собой активизацию повстанческого движения и проходил по маршруту: Старый Керменчик (Старомлиновка), Новоандреевка, Благодатное, Елизаветовка, Марьинка, Селидово, Гродовка, Новониколаевка, Михайловка, Александровка, Доброволье, Самойловка, Сергеевка, Васильевка, Знаменовка, Михайловка, Зайцеве, Троицкое, Павловка, Рождественское, Хвалибоговка (Доброполье), Гуляйполе, Большая Михайловка.

В Большой Михайловке было заседание командного состава по вопросу дальнейшего существования движения. Был заслушан доклад набатовцев, обвинявших большевиков в преследованиях. Все сходились на том, что надо форсировать организацию армии, которая сможет поставить большевиков в такое положение, при котором они вынуждены будут признать за махновцами независимость Гуляйпольского района и свободную трибуну для пропаганды идей. Но чтобы этого достигнуть, необходимо выдвинуть на первый план организационный вопрос.

Вскоре вызвались новые организаторы, которые с поручением от Совета и его отделов уехали в разные концы Украины собирать и объединять повстанческие силы.

Не дремало и красное командование. Для прикрытия тыла крымского фронта оно выдвинуло в Чаплинский район бронепоезда, и так называемую чаплинскую группу войск, в составе 1 200 штыков, 80 сабель при 2-х орудиях, 42-я дивизия с Гуляйпольского района поднималась к Большой Михайловке, а Гайчурский отряд в составе 1 500 штыков, 70 сабель и

полубатарей, под командой Марченка, подходили со стороны Покровской. Таким образом, мы были в кольце. 15-го июня на нас напала чаплинская группа Стеслицкого, а с запада Гайчурский отряд Марченко. В результате часть чаплинской группы с полубатареей попала к нам в плен, а Гайчурский отряд, потеряв до 100 человек ранеными, 40 контужеными, 70 зарубленными, тоже был разбит и в панике бежал на ст. Мечетную. 42-я дивизия подоспела к концу боя и также капитулировала.

Таким образом, войска, брошенные против нас, были разбиты в первом бою. 16-го июня мы заняли с. Новопавловское, где наши культурники митинговали, а вечером вышли на Комарь.

18-го мы заняли Туркеновку и выслали отряд на Гуляйполе, где культотдел печатал газету «Повстанец»[873] и листовки, в которых говорилось: «Слушай, бедняк!

Ты триста лет из поколения в поколение носил на себе рабское ярмо царей и князей. Твои деды и прадеды иногда бунтовали против своих панов, но всегда эти бунты заливались крестьянской кровью, а помещики и бояре продолжали издеваться над трупами бедняков. Бедняков посылали на иноземцев, и кровавые войны поглощали миллионы молодых и цветущих жизней. Не сладка была жизнь бедняка. Но у богачей было послушное войско, оружие и шпионы, и бедняки принуждены были терпеть и тянуть свою лямку.

Но вот в 1914 году вспыхнула великая война всех народов Европы и Америки, царей, королей. Фабриканты и заводчики всех стран не ладили между собой и послали своих рабов на убийство и смерть. Около трех лет ты, бедняк, давал своих детей на войну и платил тяжелые налоги и подати. Ты понимал, что эта война ведется в интересах твоих врагов, ты неохотно давал своих детей на войну, роптал и возмущался. Пока, наконец, в феврале 1917 года твое терпение лопнуло, ты восстал, и в несколько дней разнес в щепки столетний трон Романовых.

Однако, на твое, бедняк, несчастье вышло так, что твою борьбу, в рабоче-крестьянское дело вмешались чужие тебе партийные люди, и с первых дней революции началась борьба партий между собой. Ты бедняк, за последние три года пережил пару десятков властей, ну и скажи, хоть бы одна из них заботилась о твоих нуждах, хотя бы одна из них и меж ними нынешняя власть, которая прикрепила себе ярлык Рабоче-Крестьянской, сделала что-либо для того, чтобы облегчить твою непристойную жизнь.

Нет, бедняк, униженный и безправный ты был при всех режимах, таким остался ты и теперь при Рабоче-Крестьянской власти. А буржуазия и царские генералы и офицеры пристроились при Советской власти, чувствуют себя не хуже, чем при Николае. Они в своих кабинетах и роскошных дворцах посмеиваются над тобой — бедняком и твоим именем, именем революции сидят они на твоей шее и пируют в то время, как ты мозолистыми руками еле добываешь себе на пропитание.

Бедняк, до каких пор ты будешь давать разным проходимцам и шарлатанам угнетать и давить себя. Неужели твое сердце закаменело, что ты не слышишь стоны, которые раздаются по деревням, где карательные отряды издеваются над бедняками, расстреливают крестьян и делают жизнь невозможно тяжелой.

Если ты, бедняк, будешь и дальше молчать всем, кому бы только не лень, пойдут угнетать тебя, бедняка. Вот не успели Вы уничтожить Деникина, как уже идут на вас польские паны.

А наши черносотенцы и паны забогатели, ждут удобного момента, чтобы вновь расположиться в своих экономиях, чтобы ты, бедняк, вновь стал батраком. Большевицкая Рабоче-Крестьянская власть, как ты уже успел убедиться, не способна защитить тебя от помещиков и генералов, она знает лишь укреплять свою партию и давать привилегии своим комиссарам. Так довольно же, бедняк, надеяться на кого-то и ждать на то, что власть тебе устроит жизнь счастливой и свободной. Знай, какая бы власть над тобой не господствовала, она будет тебя угнетать и оббирать. Возьмись за оружие и сгони сейчас же всех комиссаров и карательные отряды, не допуская к себе польского генерала, изменника Петлюру и Деникинского генерала. Все они твои враги и достойны только смерти. Не пуская в них кулаков, политиканов и болтунов, ибо они погубят твое трудовое дело.

Поднимайся на борьбу, бедняк. Организуй твои повстанческие отряды, лови комиссаров. Разоружай карательные отряды. Посылай к нам, махновцам, ходоков для связи с нами. Мы снабдим тебя оружием, если у тебя его не хватает. Совместно восстанем, раз навсегда покончим с насилием всех властей и богачей.

На бой последний и решительный бой восстань, бедняк.

Смерть угнетателям! Долой комиссаров!

Смерть Петлюре, Деникину и польскому пану!

Да живет сознательное общество вольного труда!

Культурно-просветительный отдел Революционных Повстанцев Украины — махновцев»[874].

Тогда же в мариупольской газете была опубликована резолюция 2-го Чрезвычайного Съезда Советов Мариупольского уезда. В ней говорилось: «Уездный чрезвычайный Съезд Советов Мариупольского уезда, заслушав доклад о борьбе с бандитизмом, устанавливает, что разлившаяся волна бандитизма по уезду дезорганизовала всю советскую работу как в городе, так и в уезде.

Безответственные бандиты во главе с так называемым батько Махно, расхитили и уничтожили те (ничтожные) продовольственные запасы, которые Советской власти при помощи крестьянства удалось собрать и тем заставили рабочих города и Донецкого бассейна и наших беззаветных красных бойцов голодать.

Убийствами советских работников они нарушили спокойное течение плодотворной работы по охранению народного здоровья, по народному просвещению, по землеустройству и по охране революционного порядка в деревне.

Прерывая телефонную и телеграфную связь и железнодорожное сообщение по уезду, бандиты, называемые махновцами, тем самым способствовали и способствуют засевшим в Крыму белогвардейцам и польским панам, содействуют, таким образом, закабалению

крестьянства и рабочих.

И в это же самое время, разрушая всю полезную работу Советской власти, уничтожая все запасы и средства к жизни и затягивая войну на фронте своей помощью белым, эти бандитствующие и не желающие подчиниться государственному порядку элементы все взваливают на голову Советской власти.

Прикрываясь проповедью идейного анархизма и безвластия, ничего иного не показала крестьянству, кроме своей способности грабить, грабить, грабить.

Поэтому Съезд, учитывая, что вся работа махновцев ложится невероятной тяжестью на плечи крестьянства и рабочих, что эта работа является тормозом революции, постановляет:

Все честные труженики крестьяне и рабочие, которым дороги завоевания революции, должны не только отказаться от тайного или явного содействия махновцам, но и всемерно бороться с бандитизмом как бы он не назывался.

Для этого крестьянство уезда должно: 1) о всех замеченных передвижениях бандитов группами или частями сообщать ближайшим Советским войсковым частям; 2) изловить всех одиночных бандитов, которые ждут только случая, чтобы выкопать винтовку и стать в ряды махновцев; 3) указывать волисполкому всех, кто скрывает оружие и всячески содействовать таковому, для изъятия этого оружия; 4) охранять и следить за исправностью телефонной и телеграфной связи по уезду и за железными дорогами.

Все замеченные попытки к уничтожению телеграфных и телефонных столбов, проволоки и т. д., а также железнодорожного полотна и железнодорожных сооружений каждый честный труженик должен пресекать немедленно.

В случае же невозможности без замедления сообщить об этом властям.

Для точного и неуклонного исполнения этих задач Съезд поручает уездному исполнительному комитету разработать правила об охране средств связи и дорог, положив в основу круговую поруку всех крестьян.

Съезд заявляет всем крестьянам уезда, что только общими усилиями, только тогда, когда каждый крестьянин будет считать дело охраны порядка в уезде своим собственным делом, только тогда нам удастся справиться с бандитствующими элементами и пресечь в корне всю их разрушительную работу.

Товарищи рабочие и крестьяне, помните, что враг силен только тогда, когда мы разъединены, когда в нашей среде нет единодушия. Об стальную же стену, объединенных рабочих и крестьян, разобьются в прах все темные силы врагов революции.

Да здравствует единение рабочих и крестьян, направленных на борьбу с бандитизмом!

Долой грабителей и бандитов, называющих себя махновцами-анархистами!

Смерть всем противникам Советской власти!

Да здравствует Советская власть!»[875].

Подобные резолюции на Екатеринославщине и в других губерниях выносились красными повсеместно. Призывы к смертельной расправе над махновцами приводили к дезорганизации, разгулу, безответственности среди красноармейцев. Малую толику этих проблем затронул в своем докладе член Всеукраинского большевистского комитета Затонский.

«...В селе Спасском (Ново-Московского уезда) красноармейцы 4-й бригады учинили ряд дебошей, испортили озимые хлеба, ночью с целью “попугать жителей” открыли стрельбу.

В воинских частях, стоящих в Мариупольском уезде, имеются случаи пьянства ответственных работников, взгляда их на деревенскую массу как на безответную и бесправную и т. д. и т. п.

13/6 село Мало-Михайловка было занято небольшой махновской бандой, наш бронепоезд «Смерть или победа» обстрелял ее артиллерийским огнем и сжег половину села...»[876].

Там же, на стоянке в с. Туркеновке были пойманы красные террористы: ф. Глущенко[877] и Я. Костюхин[878], приехавшие убить Махно. Штаб находился в помещении волостного управления, где и были допрошены арестованные.

Костюхин Яков Сергеевич в показаниях написал:

«Я, крестьянин Калужской губернии, Жиздбинского уезда, Колмачевской волости, 25-ти лет, вышел из бедной семьи, потому и стал воровать с 1910 года. Сидел в тюрьме 9 раз. Последний раз я был осужден на 3 года и был освобожден во время революции 1917 года. Знаю хорошо слесарное ремесло, работал в Киеве с 1914 года по 1916. С начала революции стал заниматься экспроприацией. Был в шайке Степана Бондаренко, а также в шайках Даньки Бондаренко, Николая Мосальского (Киевского). При попытке Советской власти в феврале с. г. арестовать меня в Харькове я отстреливался, бросал бомбы, скрылся. Тогда я отморозил себе ноги, пролежал до 22 марта, тогда и был арестован, будучи выдан Александром Климентьевым. Просидев около 15 дней, меня вызвали к Мартынову, где мне было предложено выдавать своих товарищей, в противном случае я буду расстрелян. Я знал, что так или иначе, я буду расстрелян, но вместе с тем сказал, что те ребята уже уехали. Тогда Мартынов, предложил мне выдать тех лиц, у кого я скрывался вместе с Бондаренко, я на это согласился. Я назвал имя того лица, где я скрывался. Его арестовали и расстреляли. Он был секретарем партии коммунистов. Через несколько дней после этого меня агитировал Мартынов, чтобы я остался работать в особой группе Украинской ЧК, гарантируя мне освобождение. Я согласился. Проработал до 13-го июня.

Производили аресты по доносу некоторых лиц и по приказанию Мартынова в г. Харькове, Екатеринославе и Одессе. 13-го июня мы с Федей Глущенко были посланы к батьке Махно для его убийства.

До нашего выезда из Екатеринослава было совещание трех лиц: Манцева, Матрынова и Феди Глущенко. После этого совещания Мартынов послал нас в Александровск для ареста некоторых махновцев и эксистов. Пробыв там три дня, мы никого не арестовали и поехали в Пологи. В Александровске были люди для ареста, но, благодаря мне и Федьке, их не арестовали. По приезде в Пологи я встретил знакомого из Харькова по кличке “Кузька”, с которым поговорили о Махно и узнали, где он находится. После этого наняли подводу и поехали в Гуляй-Поле. Израсходовав все свои деньги, я продал свое пальто за 20 000 рублей.

В Гуляй-Поле Федька узнал, что находятся махновцы где-то здесь.

Мы поехали и после долгих поисков нашли их в селе Туркеновке. Я имел возможность арестовать в Пологах Кузьку, но не арестовал его и когда Кузька ушел, то Федя спросил: “Что душа не позволяет арестовать?”. На то я ответил ему: “Хотя я и курва со стороны товарищей, но мне жалко арестовывать его”. А то, что я производил аресты в некоторых городах, то это моя ошибка и темнота. Прошу использовать меня и после этого сделайте товарищеский суд, как над предателем труженников.

Яков Костюхин. с. Туркеновка 20 июня 1920 года»[879].

Этот террористический акт ЧК был обнародован в следующей редакции: «Поимка манцевских агентов.

20-го сего июня, через час после прибытия особой группы Революционных повстанцев (махновцев) в с. Туркеновку, в 15 верстах от Гуляй-Поля, к стоявшему вблизи штаба тов. Махно быстро подбежал Федя Глущенко, работавший в прошлом году в контрразведке при Революционной Повстанческой Армии и только что прибывший, как видно, в село и нервным голосом сказал: «Батько, я имею вам очень важное сообщить». Тов. Махно велел передать это стоящему вблизи т. Кириленко. Федя сообщил, что он еще с одним, который стоял в то время на улице вблизи тов. Махно присланы сюда для убийства б. Махно.

Тов. Кириленко осторожно подскочил к другому субъекту и обезоружил его. При нем оказались револьверы «Маузер»и «Браунинг»и две бомбы, а у Феди револьвер «Кольт». Другой задержанный оказался Яковом Костюхиным, известный налетчик по кличке «Яшка дурной»и сразу же чистосердечно, с озлоблением на господ Манцевых рассказал подробно, а затем и сам написал свои показания. Им было выдано 13 тыс. рублей «николаевскими»и сумма советскими. Подробный план убийства был выработан «в Екатеринославе»Манцевым, Мартыновым и Федькой. Костюхин находился в распоряжении Феди, который для этого дела должен был склонить на свою сторону и Леву Задова, бывшего начальника контрразведки 1-го Донецкого корпуса (махновцев)[880].

Костюхин, сознавая, что он заслуживает лишь только смерти, предложил воспользоваться им для чего угодно, но, конечно, это предложение было с негодованием отвергнуто и на другой день он был убит. Перед смертью он площадно ругался, особенно Федю за то, что он сам привел его сюда и выдал.

Федя же показал, что, будучи арестован Манцевым и получив предложение сделать выбор между расстрелом и работой в ЧК с участием в затеваемом убийстве т. Махно. Он держался очень стойко и заявил, что он вполне заслуживает смерти за участие в ЧК, но это он сделал с целью предупреждения и чтобы умереть от руки своих товарищей.

Понятно, командный состав не мог безнаказанно простить ему его работы в ЧК, какими бы целями он не руководствовался, ибо революционер не может по каким-либо соображениям служить в охранке, и 21-го Федя Глущенко был убит вместе с Костюхиным. Перед смертью Федя держал себя хладнокровно, повторил, что он вполне заслуживает смерти, но просил передать товарищам махновцам, что он умирает не как подлец, а как верный друг повстанцев и поступил в ЧК лишь для того, чтобы своей смертью спасти жизнь батьки Махно.

— Боже вам помощи, — были его последние слова.

Так кончилась первая попытка всеукр. ЧК посредством купленных людей убить руководителя революционного Повстанчества тов. Махно.

21-го июня 1920 года»[881].

Бытовую картинку повстанческой походной жизни этого периода описала Н. Сухогорская:

«...Когда после белых, конные отряды (махновцев — А. Б.) вступили в Гуляй-Поле, то представляли красивое зрелище: все молодые люди, много красивых, хорошо одетых и на прекрасных конях. Лошади эти были большей частью уведены из немецких и еврейских колоний. Кроме того, среди махновцев было много богатых хуторян на собственных лошадях. Все махновцы любили пофрантить. О свите Махно и говорить нечего. Та наряжалась вовсю. Одно время вся свита была одета в одинаковые красные костюмы и носила длинные волосы. Потом, видимо, им это надоело и они стали одеваться в разнообразнейшие костюмы, но вооружены были все с головы до ног. Только один из сподвижников Махно продолжал носить все красное: бывший матрос, Щусь, одно время даже соперничавший с Махно за власть. У него были свои отряды и свои приверженцы, был он в противоположность Махно очень красив, но жестокостью превосходил иногда даже самого батьку. Франтоватый, начисто выбритый, всегда в воротничках, он пользовался успехом у женщин.

Все махновцы очень заботились о своей наружности. Часто во время боя у гуляйпольской парикмахерской стояло много лошадей; это махновцы брились и стриглись, красоту наводили, рискуя из-за прически потерять нечто большее — голову.

Сам Махно тоже стал одеваться нарядно: в шелковые цветные рубашки, желтые высокие сапоги. Жена его, Агафья Андреевна, не отставала от мужа. Часто ездила она верхом и тогда одевала мужской костюм.

Мне пришлось раз встречаться с Агафьей Андреевной. Как-то она приехала в село и предложила устроить в пользу бедных учеников школы вечер, ввиду того, что у махновцев денег много (они вернулись из “похода”). “Все равно они добычу пропьют и в карты

проиграют, а школу хоть закрывай, денег нет и учителя голодают”. Отказать “патронессе” было нельзя: обида, а потом и месть батьки. Пришлось организовать вечер. Присутствовавшие на этом редком спектакле натерпелись страху на этот раз. Ждали набега красных, и все были настороже. Махновцы расставили вокруг “театра” пулеметы. Вот, вот, казалось, сейчас начнется стрельба и придется бежать куда-нибудь прятаться.

Учительниц и кое-кого из служащих заставили торговать в буфете. Помещение кинематографа, где устраивались вечера, когда не ставили картин, было полно народу, в том числе махновцев. Давали какую-то украинскую пьесу, а потом дивертисмент из украинских же песен. Хор был очень хорош. Спектакль долго не начинали, хотя время, назначенное для начала, давно прошло. Не смели; ждали Махно. Наконец, оркестр грянул туш: это прибыл батько с женой и всеми атаманами. Как только они заняли места в ложах наверху, спектакль начался...

Смотрю, идет ко мне Агафья Андреевна знакомиться, как с приезжей, и приглашает к себе в ложу.

Очень красивая брюнетка, высокая, стройная, с прекрасными темными глазами и свежим, хотя и смуглым цветом лица, подруга Махно внешне не походила на разбойницу. По близорукости она носила пенсне, которое ей даже шло.

Несмотря на первое, сравнительно благоприятное впечатление, иду в ложу со страхом, и не напрасным: сажают меня между Махно и его женой, а сзади и в соседних ложах весь их штаб и все главари. Агафья Андреевна очень любезна, махновцы тоже, а меня страх разбирает, ведь знаю я, что ждут боя, да и кругом публика, не внушающая доверия. Меня же еще успокаивают, бомбы, мол, обязательно сегодня будут кидать, ведь мы, главари, все здесь, и красные это знают. Я не выдержала и спросила: “Когда же вы ждете набега?” Агафья Андреевна сжалась и обещала мне сказать, когда мне нужно будет уходить.

Махно был одет во все темное, походное. Агафья Андреевна была в синем мужском костюме, поддевке и шароварах, на голове ее красовалась высокая черная каракулевая шапка. Махно сидел трезвый и как-будто чем-то недовольный, хотя пьеса всем очень понравилась. В антрактах пили махновцы пиво, самогон, ими самими притащенный, и еще какие-то напитки. Все посматривали на Махно со страхом: чем-то выразится его недовольство. Но здесь кто-то запел любимую песню Махно: “Наш Махно и царь, и бог с Гуляй-Поля до Полог”. Оркестр подхватил, Махно стал улыбаться, развеселился и даже спустился вниз танцевать. Агафья Андреевна же осталась со своими и не отпускала меня. Все они говорили по-украински, пьеса была украинская, танцевали на сцене гопак и пели песни тоже украинские.

Часов в одиннадцать говорит мне жена Махно: “Ну, теперь вам уходить пора”. Я пошла домой, и едва успела добраться, как началась перестрелка. Разведка донесла правильно, и махновцы, предупрежденные и принявшие меры, ушли целы и невредимы. Пулеметы не дали возможности красным подойти близко к кинематографу.

Жена Махно производила впечатление не злой женщины. Как-то она зашла в тот дом, где я снимала комнату, в гости. В котиковом пальто, в светлых ботах, красивая, улыбающаяся она казалась элегантной дамой, а не женой разбойника, которая сама ходила в атаку, стреляла из пулемета и сражалась. Рассказывали про нее, что несколько махновцев она сама убила, поймав их во время грабежа и насилия над женщинами. Ее махновцы тоже побаивались...»[882].

А тем временем,. Врангель продолжал развивать наступление в Северной Таврии и 23 июня подходил к центру махновского района, к городам Пологи, Орехов.

Таким образом в тылу Врангеля оказались многие наши повстанцы, которые не знали, как им себя вести с заигрывающими к ним врангелевцами.

Нами было принято решение, несколько крупных отрядов направить в тыл Врангеля, для объединения сил и ведения освободительной партизанской борьбы в тылу белых.

В связи с этим отпечатали обращение к крестьянам, рабочим и красноармейцам, в котором излагались намерения Повстанческой Армии, а также призыв к красным войскам не препятствовать повстанцам в переходе линии фронта[883].

Мы надеялись, что наши действия переноса борьбы из тыла красных в тыл белых убедят красное командование о создании условий беспрепятственного пропуска повстанцев через свои боевые порядки.

Хотя сплошной линии фронта, как таковой, не было, мы всячески желали избежать кровопролития, поэтому место и маршрут прорыва с Успеновки на Белогорье (между гг. Пологи и Орехово) и Большой Токмак, держали в строгой тайне.

Но мы ошибались...

Несколько раньше Ф. Дзержинский указал:

«Если Махно вздумает пробиться в Северную Таврию, занятую сейчас белыми, мы во что бы то ни стало, должны сорвать эту его затею»[884].

И информаторы ЧК в махновщине Илья Гордеев и работник подвижной типографии Матвей Бойченко[885] были начеку.

Вот как описал прорыв в тыл Врангеля в своих воспоминаниях сам М. Бойченко:

«...Незадолго до полуночи под колесами тачанки простучал настил железнодорожного переезда. Верховые и тачанки пошли быстрее, словно набирали скорость перед тем, как протаранить фронт. В темноте было слышно — конница разворачивалась вширь. Топот сотрясал степь. Потом он стал дробиться, сотни растекались по балкам.

Матвей почувствовал, как Гордеев схватил его за локоть.

Бой должен был начаться с минуты на минуту. Но пока вокруг стояла непроглядная темнота ночи и мерный тяжелый топот сотен коней уподоблялся морскому прибою.

Дикий протяжный свист взметнулся в темноте.

— Ура-а! — и снова свист, теперь уже подхваченный сотнями конников, ринувшихся во весь опор.

И словно в ответ, впереди засверкал один пулемет, второй третий...

Тачанка запрыгала по каким-то кочкам.

“Ждали... Ждали! Ударили в лоб махновцам!” — пронеслось в мозгу Матвея.

Визгливо заржали раненные кони, звякали во мраке сабли.

Шедшие впереди тачанки наскочили на расставленные изгородью повозки. Послышался треск и снова визгливое конское ржание, прошитое пулеметной дробью.

Крики:

— Хлопцы! На полковые кассы красных наскочили!

— Давай сюда!

Ударили винтовочные залпы. То там, то здесь вспыхивали и хлопали пистолетные выстрелы.

Лошади ржали, точно в истерике. Желтые проблески огня окружали махновцев.

Потом на гребнях между балок на фоне серого звездного неба замаячили силуэты коней и всадников, размахивающих саблями.

— Батьку ранило! Хлопцы, окружают!

Мимо тачанки, в которой находились Гордеев и Матвей, вихрем пронеслись темные силуэты верховых, сшиблись с лавой, скатившейся с гребня между балок. Послышался стук сабель, крикание, крики, стоны.

Кучер с трудом развернул тачанку и пустил коней обратно. Едва они вылетели в степь, как с боков и спереди ударили пулеметы. Теперь уже махновские, с тачанок: видно было, что они передвигались и строчили по красным и по махновцам, которые замешкались в схватке...

Когда развиднелось, за железнодорожным полотном сбились в кучу оставшиеся в живых махновцы: из двух тысяч человек уцелело около трехсот конных, сотни две пеших, потерявших в схватке лошадей, да десятка два тачанок. Батька, раненый в ногу, кривясь от боли, бил кулаком по грядке тачанки и орал на Левку Задова:

— Какая к черту разведка! Почему не предупредил! Постреляю!..

Уходя с гуляйпольщины, батько через Попова приказал Гордееву выпустить листовку, в которой обвинял красных в вероломстве и комиссарской зависти. Это, мол, и помешало ему уйти в тыл Врангеля и бить белых...»[886].

25-го июня армия поднималась на Большую Михайловку (Дибривки) и в деревне Белой встретила 174-ю красную бригаду, которую целиком забрала в плен. Во время боя был убит Л. Бондарец — начальник кавалерии и член Совета.

Отсюда армия разделилась на две части. Одна, во главе со штабом, ушла на Гавриловку, другая — на Большой Янисоль, в котором 26 июня разоружила 522 пехотный полк.

28-го по дороге из Ивановки на Богатырь нас встретили батальоны ВОХРА (429 и 430) и после короткой перестрелки сложили оружие и перешли на нашу сторону.

Таким образом, армия махновцев продолжала возрастать и побеждать, несмотря ни на что.

В результате, Крымский участок стал ослабевать, ибо красное командование снимало с фронта части и бросало на нас, в свой тыл. Этим воспользовался Врангель и 12 июня перешел в наступление. К 25 июня он занял Бердянск, Мелитополь, Федоровку, отбросив красные части от Крыма на 150 верст.

В селе Богатырь у нас шло заседание командного состава и Совета. Мною был поднят вопрос о предложении красному командованию своих услуг против барона Врангеля.

Разгорелся спор, но зачитанное Калашниковым «обращение» определило итог.

В нем говорилось:

«Обращение председателя СНК Украины и начальника тыла Юго-Западного фронта, наркома внутренних дел РСФСР к крестьянам Екатеринославской губернии в связи с наступлением войск Врангеля и контрреволюционными действиями банд Махно.

25 июня 1920 года. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Крестьянам Екатеринославской губернии Братья крестьяне!

Вновь опустились на ваши поля старые царские вороны. Уже третий раз белогвардейская нога оскверняет свободную Советскую Украину, в третий раз белогвардейская кавалерия будет топтать ожидаемый с таким нетерпением урожай...

Но то, что должно возмутить вас, всех крестьян, — это не столько наступление белогвардейцев, сколько преступные подвиги батьки Махно. Барон Врангель во главе царских золотопогонников, помещичьих сынков, обманутых донцов и кубанцев сражается, не скрывая ни перед кем, что он враг народа. В тысячу раз более преступным и подлым является Махно. Он называет себя якобы защитником рабочих и крестьян. Этот наглец имел дерзость обвинять рабоче-крестьянское правительство Украины (в том), что якобы оно недостаточно защищает рабочих и крестьян, а что его настоящим защитником является он

— Махно. Давно уже мы сорвали маску с этого контрреволюционера. Давно сами рабочие и крестьяне могли убедиться по его делам, что он враг их освобождения, что он срывает Советскую власть, что он грабит скарб и скот крестьян, как ограбил в Екатеринославе ломбард с оставшимися там пожитками рабочих и беднейшего люда, что он из революции сделал для себя и для подобных себе авантюристов доходное предприятие. В то время, как сам Махно живет в роскоши от награбленного в деревнях, он взрывал железнодорожные мосты и пускал под откос маршрутные поезда с хлебом, отправляемые для голодающих рабочих Донецкого бассейна. Он разрушал то, что с таким страшным трудом удалось рабочим и крестьянам восстановить.

Да, давно честные и сознательные крестьяне отвернулись от Махно, но находятся еще и такие малосознательные, которые поддаются махновскому обману. Теперь и для этих должно стать ясным, что Махно — предатель и изменник рабочих и крестьян. Им мы сообщаем, что Махно открыто вошел в союз с помещиками и контрреволюционерами. Это мы говорим не как предположение, а как факт, который ясно вытекает из всех перехваченных в последнее время Советской властью документов. Во-первых, при раскрытии павлоградской петлюровской подпольной организации стало очевидно, что в отряд Махно влилось множество петлюровских, офицеров, между ними и бежавший из Павлограда накануне своего ареста Щеденко. Его отряд слился с отрядом Махно. Выяснилось, что между махновскими и петлюровскими бандами даже была определена разграничительная линия в Ново-Московском уезде. Быть в союзе с петлюровскими офицерами, для всякого ясно, означает быть в союзе с самими польскими панями. Махно — петлюровский агент, Махно — агент польской шляхты, но не только это. Мы перехватили курьеров, поддерживавших связь между Врангелем и Махно. В наших руках находятся документы, которые скоро будут оглашены. Врангель наступает после предварительного соглашения с Махно. Таким образом Махно, который смеет называть себя революционером, является в сущности продажным и низким бандитом, который живет обманом и обманывает не только крестьян, но и часть своих собственных товарищей. Вся эта шайка — Врангель, Петлюра, Пилсудский, Махно — составляет одну преступную компанию, цель которой восстановить власть помещиков, царских генералов и гетманских вартовых. Каждый крестьянин, который не желает своей собственной рукой вновь сковать цепи рабства, подпасть вновь под сапог царской военщины и согнуть снова свою спину под гнетом помещиков, должен содействовать изловлению махновцев.

Их нужно ловить и истреблять, как диких зверей. Всякая помощь, оказанная махновским бандитам, является величайшим преступлением перед революцией. Тот, который понимает теперь, какое преступное дело совершает Махно, и будет все-таки оказывать ему содействие, подвергается самой тягчайшей каре со стороны рабоче-крестьянской власти. Махновским бандитам должна быть отрезана всякая возможность получать пополнение и снаряжение из деревни. Их нужно гнать от крестьянских хат. Деревня, которая допустит, чтобы отдельные лица из крестьян оказывали содействие Махно, будет занесена на черную доску, и против нее также будут приняты строгие карательные меры. Крестьяне должны около себя и у себя наблюдать за действиями махновских агентов, должны их ловить и немедленно передавать Советской власти.

Рабоче-крестьянская власть, считаясь с тем, что среди махновцев есть еще одурманенные и обманутые хитростью Махно, его фальшивыми фразами, предлагает им перейти с оружием на сторону Советской власти...

Председатель Совета Народных Комиссаров

член Реввоенсовета Юго-Западного фронта (подпись)

Начальник тыла Юго-Западного фронта

Наркомвнудел РСФСР Ф. Дзержинский»[887].

Воцарилось молчание. И первые слова кем-то сказанные были: «Да! Не устоял перед откровенной подлостью и “железный Феликс”! Как они могут!» — и заговорили все вместе...

Собрание отклонило мое предложение и высказалось за борьбу до той поры, когда Совправительство само предложит союз. И армия полетела дальше в тыл, чтобы не мешать 13-й красной бороться с Врангелем.

Примерно в это же время Ф. Э. Дзержинский писал В. И. Ленину из Харькова:

«Дорогой Владимир Ильич!

В области моей специальности здесь обильный урожай... Громадной помехой в борьбе – отсутствие чекистов-украинцев. С Махно мне не везет... Привет. Ф. Дзержинский»[888].

В связи с серьезным положением бурлящего тыла Юго-Западного фронта, еще 5-го мая Москва направила в Харьков группу чекистов, в наркомвнудел РСФСР и председатель ВЧК Дзержинский был назначен начальником тыла Юго-Западного фронта.

Прибытие столь важных лиц на Украину означало применение весьма широких возможностей и методов в борьбе с «бандитизмом». Очевидно, в письме В. И. Ленину — «С Махно мне не везет»имелось в виду неудавшееся покушение на Махно в с. Туркеновке и прорыв махновцев в тыл к белым. Как будто все заключалось в Махно, и на его место повстанчество не могло поставить другого батьку.

Да и чреваты были подобные методы. Еще жив был в памяти взрыв в Леонтьевском переулке, которым анархисты подполья отомстили за расстрел членов штаба Повстанческой дивизии в 1919 году. И не потому ли Дзержинского вскоре отозвали с Украины на другую работу. Мы же пробовали свободную трибуну, а не активность в убийстве из-за угла ответственных работников; поэтому вызов не приняли, хотя такие предложения были.

С 13-го июля мы постоянно рейдировали в районе Гуляйполя и, по возможности, избегали кровопролития. В это время я записывал в дневнике:

«12/6-1920. В 12 часов дня выезжаем по направлению Больше-Михайловка через Ново-Успеновиу. При въезде в последнюю был замечен большой обоз, въезжавший в село

Туркеновку и Санжаровку. Нами была выслана разведка, которую противник обстрелял из 2-х пулеметов.

По сведениям якобы две дивизии идут на Крымский фронт с Кавказского фронта. Мы, не желая дать бой ночью, в 8 часов выехали из Ново-Успеновки и прибыли благополучно в Больше-Михайловку, где соединились с отрядом Каленника 13/6 — в 10 часов дня.

13/6-1920. В селе Больше-Михайловке день и ночь прошли спокойно.

14/6-1920. В селе Мало-Михайловка в 12 часов дня отряд Каленника ведет бой с отрядом противника. Наши под сильным обстрелом броневигов вынуждены отступить в село Больше-Михайловку.

В 6 часов вечера цепь противника подошла со стороны Мало-Михайловки к селу Больше-Михайловка и с 2-х орудий обстреляли Больше-Михайловку. Наши вышли на позицию, кавалерия пошла в обход левым флангом, противник сбит, бежит, наши захватили 233-й батальон Внутренней охраны республики до 40 пленных, 2 орудия, до 400 снарядов, одну кухню и другое. Благодаря ночи, противник спасает свою пехоту от нашей кавалерии, входит в село Мало-Михайловку.

15/6-1920. В 5 часов утра противник со стороны Успеновки и Гайчур ведет наступление на станцию Больше-Михайловку, рассыпав пехоту в цепь, которая заняла расстояние по фронту минимум 10 верст, начал беглым огнем из орудий (4 орудия) обстреливать наши позиции. Им навстречу пошла половина нашей пехоты, атака была лобовая, а кавалерия пошла а обход их правого фланга. Сбив противника, наша кавалерия, загибая фланги, вынуждала пехотные силы, 4 000 штыков, отступить по направлению Гайчура, и обозы пошли по дороге на село Покровское.

Батарея противника израсходовала более 500 снарядов, наши 5 орудий израсходовали до 100 снарядов.

В бою взято красных пленных до 50 человек, один пулемет и патроны.

В бою жертвою пал командир 1-го кавалерийского полка тов. Бондарь, 2 кавалериста, 1 ротный командир, 10 человек пехоты ранено. Бой продолжался 6–7 часов. В бою принимали участие: 25-й железнодорожный охранный батальон, 233-й охранный батальон, 103-й батальон и 231-й. Со стороны Гавриловки 25, 233 и 103 батальоны при 4-х орудиях... В 8 часов вечера выехали в село Комарь, дорога была спокойной.

16/6-1920. В село Комарь приехали спокойно.

17/6-1920. В 8 часов утра выехали из села Комарь в с. Большая Янисоль. Дорога была спокойная, в селе Большая Янисоль также было спокойно. В 5 часов дня выехали из села Большая Янисоль в село Керменчик. По дороге из села Майорска нашу разведку кто-то обстрелял. Разведка, рассыпавшись в цепь, начала гнать стреляющих, принимая их за красных. За селом Керменчиком догнали одну тачанку и 5 всадников.

Один кавалерист бросил в наших бомбу и стрелял до последнего, но все же его зарубили в бою. Когда взяли остальных в плен, оказалось, что это наши, из отряда Бабенко. Сам Бабенко при 1 тачанке и 1 верховой ушли на Пегриковку. Наши поехали за ними.

Въезд в село Керменчик был благополучный.

18/6-1920. День прошел спокойно. Наши ездили в Святодуховку за товарищами и 2-я пулеметами, которые оставались в плену у красных после Успеновского боя 21-го мая.

20/6-1920. В 12 часов дня выехали из села Керменчик в село Туркеновку. Движение группы по двум дорогам. Дорога была спокойна. Прибыли и расположились в селах Туркеновке – Санжаровке. Спокойно.

21/6-1920. В 1 час дня наши захватили обоз 3-го артиллерийского дивизиона 46-ой дивизии. В плен взято до 120 человек, а также другое важное военное имущество, в Гуляй-Поле взято 1 500 снарядов.

22/6-1920. В 10 часов выехали из Туркеновки на Гуляй-Поле тремя дорогами. В Гуляй-Поле захватили обоз 13-й армии, взято до 1 000 человек в плен, много винтовок, до 40 подвод патронов, до 30 пулеметов, массу медикаментов, зерна и другого добра. Красные оказали сопротивление.

Бронепоезд обстрелял со стороны станции Гуляй-Пояе село Гуляй-Поле. Потерь нет.

В 7 часов вечера выехали из Гуляй-Поля в село Успеновку. Дорога была спокойной, въезд в село также был спокойным.

23/6-1920. День стоянки в селе Успеновка прошел спокойно. Шло распределение обозов, взятых у красных.

24/6-1920. В 11 часов утра противник повел наступление со стороны Гайчур на Успеновку, но был успешно отбит. В 1 час дня выезжаем из села Успеновка в село Больше-Михайловку. Подъехав к последней заметили движение обоза и пехоты из села Больше-Михайловки на село Темировку. Остановили обоз, расположили свои части в боевой порядок и повели наступление, но противник численностью до 4-х с половиной тысяч пехоты (520, 521 и 522 стрелковые полки), рассыпавшись в цепь перешли в контрнаступление, и мы не выдержали их натиска, начали отступать в село Петровку, где, дав подтянуться обозу, двинулись в село Большая Янисоль и Времьевку, где и остановились.

25/6-1920. В 11 часов утра противник со стороны Больше-Михайловки и Темировки подошел на довольно близкое расстояние к селу Времьевке колоннами. Наши заметили его и стали обстреливать артиллерийским огнем. Кавалерия пошла слева в обход и захватила 522 стрелковый полк, численностью до 1hskip.2em000 штыков в плен.

Подошедшие 520 и 521 стрелковые полки перешли в контрнаступление и заставили нас отступить в село Комарь.

26/6-1920. В 2 часа утра на заставе на севере поднялась стрельба, которая выяснилась. Части, построившись, двинулись на село Ивановку, куда прибыли благополучно.

Противник силою до 300 кавалеристов повел наступление со стороны Гавриловки на Ивановку, где был, конечно, отбит и загнан в Гавриловку.

В 1 час дня выехали в село Подгороднее и Ново-Павловку, где благополучно и расположились.

Ночью был спектакль, повстанцев было много, словом, весело.

27/6-1920. В 2 часа дня бронепоезд со станции Межевой обстрелял поле и окраину села Подгороднее.

Особого ничего. Вечером подготовили спектакль, где участвовало много повстанцев. Вечер прошел весело.

28/6-1920. Из Ново-Павловки послана конная разведка при 1 пулемете в село Ивановку, которую и заняли.

Между Ивановкой и Гавриловкой наш разъезд и разъезд противника имел перестрелку, разведка в этот день была несколько раз обстреляна из бронепоезда, но снаряды делали недолет.

30/6-1920. День прошел спокойно в селе Константинополь – Андреевна, хороним убитых. Оставили раненых до 50 человек в лице с доктором и персоналом в селе Андреевке в больнице.

1/7-1920. В 12 часов дня выехали из села Константинополь в село Комарь. Дорога была спокойная.

3/7-1920. В 12 часов из села Успеновки Батько с эскадроном кавалерии выехал в Гуляй-Поле за деньгами.

В 3 часа дня группа выехала из Успеновки и спокойно расположилась в селах Туркеновке и Санжаровке.

4/7-1920. Стоим день спокойно в селах Туркеновке и Санжаровке. Сил красных не слышно. Вечером приехал в Гуляй-Поле по письменному вызову тов. Полевого.

5/7-1920. В частях был митинг. Все стоим спокойно. Тов. Полевой, Яшин и я выехали со взводом кавалерии в Гуляй-Поле выпустить газету и листовку.

6/7-1920. В 12 часов возвратились из Гуляй-Поля. Спокойно. В Туркеновке вечером был суд Пузанову за насилие.

7/7-1920. В 8 часов утра выехали из Санжаровки и Туркеновки в села Времьевку, Большую Янисоль. Дорога была спокойной.

8/7-1920. Сутки прошли спокойно.

9/7-1920. Стоим спокойно. Днем были перевыборы Совета и принимали присланного с письмом от Врангеля делегата, которого заседание комсостава приговорило к расстрелу и решило опубликовать в печати (газете) содержание письма и наше отношение к белым.

10/7-1920. Стоим спокойно. Было заседание Совета, распределили обязанности между собой»[889].

Таким образом было пройдено 350 верст.

Наша особая группа войск постоянно маневрировала, избегая кровопролитных боев с красными. Но красное командование желало скорее нас уничтожить, что довольно часто ставило нас в положение, выход из которого мог быть только победоносный бой.

О накале таких боев узнаем из донесения помощника по политической части, командира 82 отдельной бригады ВОХР. Он писал:

«...Командир 430 батальона т. Серехан, находясь в цепи, в бою 29 июня отдавал приказания. Батальон, окруженный кавалерией противника, расстреливал последнего в упор, перейдя в контратаку, во время которой бой почти перешел в рукопашную (схватку). В это время комбат т. Серехан был зарублен махновскими кавалеристами. Политком т. Галкин попал в плен. Несмотря ни на какие угрозы махновцев, красноармейцы комиссара не выдавали, но жители с. Алексеевки указали, что он комиссар и выступал на митингах. После чего т. Галкин был выведен из строя и зарублен.

Обстоятельства боя 429 батальона 29 июня таковы. Батальон, направлявшийся на с. Новопавловку, согласно оперативному приказу, наткнулся на банду, занявшую балку Ореховую. Завязался бой, причем в первую же атаку комбат т. Волошин и был убит. Командование принял его помощник т. Цветков. Упорный бой продолжался три с половиной часа. Были израсходованы все патроны, и некоторые красноармейцы стали вынимать и забрасывать затворы. Не желая попасть в плен, даже взрывали себя гранатами. У попавших в плен, махновцы стали пытать, кто комиссар и командир, но ответа не получили. Так политком батальона т. Фролов выдан не был и благополучно ушел. В плену были зарублены т. Цветков, т. Агапова, вдова бывшего комбата Агапова — красная сестра, комроты т. Сухих и другие товарищи.

Махновцы, как передают, выражали удивление по поводу упорства, проявленного батальоном в бою, так как перед яростными контратаками они дрогнули, и прибытие самого Махно к месту боя только подняло их настроение. Под самим Махно убита лошадь и убит адъютант.

Помкомбриг 82 и завполитотделом Курило»[890].

К этому времени Врангель успел расширить операционную линию своего Фронта. Еще с 10 июня он высадил десант у с. Кирилловки (2-й армейский корпус, бывший Крымский Слащева, Кубанскую кавбригаду и 8-й кавполк, общей численностью 10 000 штыков и сабель), который, проникнув в район ст. Акимовки, ударил в затылок красным частям, стоящим против Салькова и Перекопа. Будучи отрезаны от тыловой базы, красные побежали и 10 июня сдали Мелитополь. За неделю белые успели выдвинуться от Крыма на 150 верст и развивали наступление: в сторону Мариуполя — донцы, Пологи — 2-й армейский корпус Слащева, Александровск — 3-й армейский корп., Каховка — 1-й добровольческий корпус. Общие силы противника были равны: 17 000 штыков, 700 сабель.

Утерев северную Таврию, красное командование группирует конный корпус Жлобы в Бердянском районе затем, чтобы тыловым ударом отрезать белые корпуса от тыловой Крымской базы.

Юго-Западный фронт, к моменту описываемой операции к 29 июня, проходил, примерно, по линии ст. Чокрак – Гохгейм – Пер. Копани – Очереватый – Черниговка и далее по ж. д. Пологи – Бердянск.

Для защиты Донбасса к востоку от линии ж. д. Пологи – Бердянск была сосредоточена 40-я стрелковая дивизия в составе 2-х стрелковых бригад и 2-х кавалерийских бригад и сводный отряд Упраформа 1-й конармии. Предполагалось по сосредоточении конного корпуса Жлобы, снискавшему себе на Северном Кавказе боевую славу, образовать группу в составе 1-й и 2-й кавдивизий и включенной в группу 2-й кавдивизии им. т. Блинова (6 685 конников при 115 пулеметах и 24 орудиях), 40-й стрелковой дивизии и сводного отряда Упраформа 1-й конармии.

В случае успеха командование фронтом рассчитывало заставить Врангеля опять отойти к Перекопу.

27-го июня был отдан оперативный приказ 13 армии № 101, в котором группе Жлобы было приказано разбить донские корпуса противника, конницей произвести решительный налет на Мелитополь и взорвать железную дорогу Севастополь – Александровск к югу от Мелитополя.

Высшее командование очень торопилось и потому корпус не успел как следует сосредоточиться и установить тесную прочную связь со всеми частями группы. Отсутствие связи в группе продолжалось в течение всей операции.

Управление корпуса было очень слабое. Штабная работа ни в штабе корпуса, ни в штабах дивизий не налажена. Связь почти отсутствовала. Приказы писались, хотя и коротко, но неясно. Слабым местом корпуса был еще обоз, в котором имелись вьюки, тачанки, повозки и даже вьючные верблюды. При всякой боевой операции и весь этот обоз следовал за корпусом. Мчащиеся по полю без вьюков верблюды, первые возвестили о неудаче операции.

Днем, 28, в штаб корпуса прибыл член РВС 13-й армии т. Зуль с приказанием командарма 13-й Р. П. Эйдемана, немедленно начать выступление.

К этому времени группа не была еще готова к выступлению. Не все части сосредоточились к намеченным пунктам. Связь с частями еще не была установлена. Штаб корпуса к моменту начала операции не мог найти 2-й кавалерийской дивизии им. Блинова, и ей даже не был вручен приказ. Штаб 13-й армии всех торопит с наступлением.

В течение 2-го июня высылалась разведка, которая ничего существенного (кроме своего же обоза 1-й кав. дивизии, зачем-то оставленного на произвол судьбы в Рикенау) не обнаружила.

Связь между частями отсутствовала.

С рассветом 3-го комкор предполагал двинуться на Мелитополь. Приказ об этом начали писать утром 3-го и закончили только к моменту появления броневиков противника.

На перекрестке дорог, что между Б. Токмаком и Рикенау, встретились комкор со всеми начдивами. Комкором была сделана попытка к управлению. Он велел начдиву 2-й идти в голову корпуса на Фриденсдэрф-Гнаденфельд. Начдиву 1-й идти южнее, а начдиву 2-й Блинову, прикрывая движение, идти сзади. Но в сердцах своих начдивы уже носили поражение, энергии проявлено не было, и вскоре после этих распоряжений, от артиллерийского огня с бронепоездов противника вся конница вторично в беспорядке шарахнулась во все стороны. При этом движении все части смешались с обозами противника. Прельстившись обозами, двигаясь и без того в беспорядке, части 1-й и 2-й дивизии, увлекшись жаждой поживиться, столпились у этих обозов, образовав с обозом противника и его прикрытием настолько однородную компактную массу, что бронепоезда противника, боясь поражения своих же, прекратили стрельбу.

В это время появилась эскадрилья из 11 аэропланов противника, которая, сильно снизившись, расстреливала в упор и бросала бомбы на части корпуса. Это послужило окончательной гибелью всех обозов и всей уцелевшей материальной части дивизий. По словам самого начдива 2-й кавалерийской «самое чувствительное поражение нами понесено там, где мы хотели взять обоз противника, там мы были разбиты в пух и прах...»[891].

Жлоба, потеряв таким образом до 6 000 человек, всю материальную часть и обозы, вернулся назад, а белые начали перегруппировку по всей линии фронта.

Жлоба не справился с заданием. Умей он вести партизанскую тактику — белые были бы основательно разбиты. Пленные жлобинцы целиком были влиты в корпуса Врангеля, и когда мы подошли 8 июля в Гуляйпольский район, где печатали листовки и газету, они уже дрались с красными частями.

Картина поражения красных была нам известна не только по сведениям красных, но и по данным нашей агентуры. Перед нами встал вопрос: «Что делать?»

Фронт красных тянулся от Бердянска по реке Обиточной до Цареконстантиновки и дальше: через Пологи, Орехово, ст. Попово и вниз по Днепру. 13-я красная армия резервов уже не имела, и ее обозы попадали к нам в плен без выстрела. Наше появление в ее близком тылу, безусловно, создавало панику и красноармейцы, чтобы избавиться от назойливых

врангелевских танков и аэропланов, переходили на нашу сторону одиночками и целыми батальонами.

Я созвал комсостав и предложил помочь красным выступить на фронт против Врангеля. Но гуляйпольская группа анархистов, во главе с Махно, подкрепленная приехавшими набатовцами, отвергла мое предложение. Наша новоспасовская группа не в силах была помочь беде красных. Все же, чтобы не деморализовать тыл 13-й красной, которая Врангелем разбивалась по частям, мы оставили Н. Успеновку и продвинулись на село Большая Янисоль, Времьевка. Здесь в изобилии сбрасывались с самолета листовки:

«Слушайте, русские люди!

За что мы боремся?

За поруганную веру и оскорбление святыни.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших святую Русь.

За прекращение междуусобной брани.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы честный рабочий был обеспечен хлебом на старости лет.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы русский народ сам выбирал себе хозяина.

Помогите мне, русские люди, спасти Родину.

Генерал Врангель»[892].

А в приказе Врангеля № 3226 от 20 мая 1920 года (по старому стилю) говорилось:

«Мною подписан закон о волостном земстве и восстанавливаются земские учреждения в занимаемых армией областях.

Земля казенная и частновладельческая сельскохозяйственного пользования распоряжением самих волостных земств будет передаваться обрабатывающим ее хозяевам. Призываю к защите родины и мирному труду русских людей и обещаю прощение заблудшим, которые вернутся к нам. Народу земля и воля в устройении государства! Земле — волею народа поставленный хозяин. Да благословит нас бог!

Генерал Врангель»[893].

Из обсуждения листовки и приказа выходило, что крестьянам земля предлагалась не бесплатно, а за выкуп в размере пятикратного среднего за последние 10 лет урожая. Этот огромный выкуп должен был вноситься частями в течение 25 лет. То есть размер ежегодного взноса являлся одной пятой урожая, что под силу было только для самой богатой части деревни.

На захваченной врангелевцами, как и поляками, территории восстанавливалась буржуазно-помещичья власть, вводился режим военной диктатуры, восстанавливалась частная собственность на землю и промышленные предприятия, то есть завоевания революции сводились на нет.

Не были в почете и действия красного правительства, а поэтому объявленная мобилизация в Красную Армию, не имела успеха, и созданный для «подбадривания» призывников приказ, например, начальника тыла 42-й стрелковой дивизии Блюмберга звучал так:

«Несмотря на неоднократное обращение рабоче-крестьянской власти к лицам, уклоняющимся от призыва и дезертирам явиться добровольно в ряды Красной Армии, многие до сих пор еще не явились и продолжают скрываться, ввиду чего:

Приказываю: 1. Всем дезертирам немедленно явиться в штаб тыла, помещение скотолечебницы в Цареконстантиновке, 8 июля сего года; 2. Лица, не явившиеся до указанного срока, будут объявлены врагами трудового народа, арестованы и переданы суду революционного трибунала, все имущество их и их родных будет конфисковано; 3. Граждане, знающие об укрывателях тех или иных лиц, должны немедленно сообщать об этом в штаб тыла, в противном случае заслуживают такую же суровую кару как и дезертиры.

Начальник тыла 42 стр. див. Блюмберг»[894].

Совет Революционных Повстанцев Украины (махновцев) и штабм остановились в д. Времьевке, что через реку от с. Большая Янисоль. Меня не оставляла мысль о союзе с красными против Врангеля. Своим лезвием она касалась пролетарских элементов комсостава и склоняла их на мою сторону, вырывая из-под влияния гуляйпольцев. Кроме того, за это время в армии расцветал черный террор по отношению коммунистов, предисполкомов, предкомнезамов, чекистов, милиции и продагентов.

Чтобы прекратить самосуды и отобрать судебные функции от командиров, особенно, от окружения Махно, я еще раньше настаивал на создании специального органа при Советах. Но со мной не соглашались до приезда набатовцев.

Считая себя полноправным членом махновского и анархистского движения, как и Махно, да к тому же ответственность на мои плечи ложилась не меньшая, нежели на него (Махно в это время был председателем Совета, член оперативного отдела и командармом Повстанческой, а я — Зампредсовета, начальником оперативного отдела Совета и Начштабма Повстанческой), я, по своему усмотрению, имел право собирать командиров на собрания для разрешения всевозможных вопросов.

Так, 9-го июля были перевыборы Совета и заодно созваны командиры на заседание. Здесь присутствовал в полном составе Совет, штаб и культпросвет. На повестке дня стояли вопросы: а) организация карательного органа; б) о союзе с красными против Врангеля.

В своем докладе я высказал, примерно, следующее:

«Мы собрались для того, чтобы обсудить два очень важных вопроса. Вы знаете, что махновщина с нового года вступила в новый период борьбы с большевиками и их властническими учреждениями, что она протестует против насилия и стремится сохранить себя для новых битв с белогвардейщиной. Советский тыл не укреплен войсками и мы знаем, что нас никто не возьмет в тиски. Мы ведем борьбу с большевистскими организациями во имя бесклассового общества, во имя подлинной анархической революции. Идеологически мы, как-будто, правы, ибо стремимся к политическому и экономическому раскрепощению масс. Но, наряду с большевистскими организациями, существуют организации чисто народные. Сюда можно отнести профсоюзы, комбеды, кооперативы и хозяйственные организации. И наши командиры, следуя традициям прошлого, не разбираются в этих вопросах, и раз им попадают под руку ответственные представители таких организаций, они без разбора убивают их, как позорные бандиты. Убийство сделалось особым спортом и особенно те элементы, которым анархизм чужд по духу, как и большевизм, от которого они бегут и ищут возле нас спасения, в этом изощряются. Им нечего терять, ибо, борясь с большевизмом, они разоряют нас в пользу буржуазии.

В прошлом году армия имела контрразведку и, кроме разведывательных функций, ей были присвоены функции и судебные. Но теперь, по мере превращения контрразведки в разведывательный орган, право карать имел каждый в отдельности командир и даже повстанец. Это весьма доходная статья для уголовных, чуждых нам элементов, которые разъедают наш организм и вооружают против нас население. Я предлагаю принять следующую резолюцию, согласованную с культотделом Совета и некоторыми членами Совета: а) Категорически воспрещается комсоставу и повстанцам по своему личному почину расстреливать пленных красноармейцев и командиров, комиссаров и коммунистов, милицейских, комнезамов и совработников, продагентов; б) Организовать при культурно-просветительном отделе Совета комиссию антимахновских дел, куда надлежит направлять всех без исключения пленных, а равно командиров и повстанцев — за проступки воспрещенные в рядах махновщины; в) В комиссию избираются: председатель — Зуйченко, Г. Кузьменко, Василенко и Чайковский — членами. Комиссию подчинить председателю культ-просветного отдела Совета».

Против резолюции никто не возражал, и она была принята единогласно. Собрание подошло ко второму вопросу, как вдруг часовые приводят, с виду интеллигентного незнакомца, одетого в крестьянские лохмотья. Он назвался капитаном Иваном Михайловым, посланцем врангелевской ставки.

Надо заметить, что сей капитан в с. Ровное на Херсонщине в 1919 году поднимал восстание против красных. Однажды он взял в плен роту Новоспасовского полка, который по личному почину снялся с фронта и шел на соединение с Махно, 70 человек расстрелял на месте, а 50 отправил в Елисаветград, где они были повешены.

Михайлов говорил, примерно, следующее:

Штаб главкома генерала Врангеля послал меня к вам для связи. Ваши командиры: Володин, Прочая, Самко[895] и другие шлют вам привет. Они при, ставке организуют партизанские дивизии и бригады имени батьки Махно. Финансами и вооружением снабжаются нашей Русской Армией. А это письмо и копия приказа.

Пакет был вскрыт. Махно прочел его содержание. Приказ гласил:

«№ 3130, г. Севастополь, 13 мая 1920 г.

В случае перехода нашего в наступление, мы на пути к достижению заветной цели — уничтожению коммунизма, можем войти в соприкосновение с повстанческими частями Махно, украинскими войсками и другими противокommунистическими группами.

По борьбе с главным врагом святой Руси — коммунистами, нам по пути все те же русские люди, которые, как и мы, честно стремятся свергнуть кучку насильников-большевиков, обманом захвативших власть.

Приказываю: всем начальникам, при соприкосновении с указанным выше противобольшевистскими группами, сообразовать свои действия с действиями войск этих групп, имея в виду нашу основную задачу — свергнуть коммунизм и всемерно облегчить и помочь русскому народу воссоздать свое великое отечество.

Генерал Врангель»[896].

Таким образом перед нами открылась отвратительная картина провокации Врангеля. По этому поводу я взял слово:

— Наши враги одурачили оставшихся вне армии товарищей, и путем явной провокации успели их организовать, вооружить и даже бросить на большевиков. Наша задача теперь же состоит в том, что мы должны показать на деле, кто наши союзники. Первое практическое осуществление, это вопрос разгрома врангелевской армии. Отсюда нам следует повернуть на юг в его тыл. Второе, следует добиваться союза с красным командованием о признании нашей армии, как самостоятельной революционной единицы, требуя опровержения печатных сведений о союзе с Врангелем, поясняя широким народным массам те идеи, за которые мы ведем борьбу.

За мной выступил Попов и, после жестокой критики на коммунистов, сказал:

«Мы сегодня обсуждали ответ красным и решили его правильно. Мы дадим теперь должный ответ белым насильникам».

Махно ограничился словами:

«Единственный ответ, который мы должны дать на подобные гнусные письма: какой бы делегат ни был прислан от Врангеля и вообще справа, должен быть казнен нами и никаких

ответов не может быть дано. И только».

Поддерживаемый набатовцами, он игнорировал мое предложение — выйти на Врангеля. Он выступил с контрпредложением, в котором убеждал собрание, что ради торжества большевиков, не следует расточать армейские силы, а, мол, лучше отойти в глубину Украины и занять определенный район, где, по заверению набатовцев, можно будет провести анархические эксперименты Вольного Советского Строя. Большая часть комсостава поддержала идею Махно.

Капитан Михайлов был повешен по приговору собрания с табличкой:

«Присланный делегат к махновцам справа, будет беспощадно караться. Никаких союзов с белыми махновцы не имели, не имеют и впредь не будут иметь. Смерть белогвардейским палачам».

Кроме того была отпечатана листовка: «Вперед, Труженик!» и распространена не только в районе красных армий, но и в тылу Врангеля, в № 44 «Путь к Свободе» писали: «Для того же, чтобы больше не находилось охотников доставлять нам врангелевскую корреспонденцию, было постановлено убивать каждого посланца от Врангеля и вообще справа...».

«Дней шесть тому назад к нам явился еще делегат от Врангеля, который после опроса был убит, и, наконец, в тот же день явился делегат от петлюровской подпольной организации...».

Здесь же, в с. Времьевка, было решено сделать еще более глубокий второй рейд.

Система управления войсками была такой же, как в первый рейд.

Ежедневно Оперативный Отдел Совета Революционных Повстанцев Украины (махновцев) давал предписание штабу Особой группы войск СРПУ (махновцев) по оперативной части, который руководствовался этими ежедневными предписаниями; разрабатывал планы и издавал боевые приказы по войскам Особой группы, при которой было все правление махновщиной.

11-го июля 1920 г. в 3 часа дня мы вышли во второй рейд на Полтавщину, и оперативный отдел СРПУ (махновцев) предписывал:

«11-го июля 1920 года. с. Времьевка Екатеринославск. губ. Мариупольского уезда.

Предписание Штабу Особой группы войск СРПУ (махновцев) по оперативной части. № 30.

1) По частным сведениям в районе Павловки оперирует карательный отряд кавалер. красных частей, числом до 200 человек.

2) В целях увеличения нашей кавалерии необходимо кавалерийск. отряд красных взять в плен, а также ввиду нашего ухода из Гуляйпольского района в сторону Дона, необходимо приблизиться к линии жел. дороги Волноваха – Доля, а посему приказываю:

1) 1-ую группу разделить на два отряда и двигаться двумя дорогами. Правый главный отряд состоит из кавалерийского, пулеметного, пехотного (Агаркина) полков и артсклада, 5-ти орудий, Совета, штаба группы и штабного взвода.

2) Левый боковой отряд состоит из полка Клейна, батальона Фили, лазарета и снабжения при двух орудиях.

3) 11-го июля в 3 часа дня выехать из с. Времьевки и Большая Янисоль по дороге к конечному пункту Павловку, Васильевку, Никольское, где и остановиться на дневку до утра 12-го июля.

4) Правому отряду двигаться через Перечистовку, Павловку и расположиться в с. Никольском и Васильевке.

5) Левому боковому отряду двигаться по дороге Всесвятское и расположиться в с. Павловке. Начальником отряда назначить тов. Клейна и его помощником Филия. При движении отрядов соблюдать все меры предосторожности и держать между частями тесную связь и следить за интервалами движения отрядов.

Нач. Оперотд. СРПУ (махновцев) — В. Белаш»[897].

«12-го июля 1920 года. с. Екатериновка Екатеринославской губ. Мариупольского уезда.

Предписание

Штабу Особой группы войск СРПУ (махновцев) по оперативной части. № 31.

Красные кавалерийские части разбиты в составе кавалерийской дивизии и кавалерии Жлобы находятся в районе Еленовка, Волноваха, где последние должны формироваться.

На красном фронте белые теснят красных, которые отступают.

В наших целях уйти от фронта в двух лагерях на 100–120 верст с расчетом производить в самом обширном образе пополнение нашей армии добровольцами. Таким районом предполагается Изюмский уезд Харьковской губернии.

На основании вышеизложенного предлагаю: 1) Отряду № 1, придав 4 орудия и подрывную команду, выехать 12/7 в 4 часа пополудню из села Екатериновки в село Марьевку. 2) Отряду № 2, придав 3 орудия и подрывную команду, выехать из села Елизаветовки, Ильинки в с. Максимилиановку. 3). Отряд № 1 остановиться в с. Марьевка, отряду № 2 остановиться в с. Максимилиановке. При движении соблюдать все меры охранения и держать тесную связь в интервале движения отрядов. 4). 13/7 в 1 час утра выехать двумя отрядами одновременно, отряд № 1 из Марьевки в с. Воздвиженка с остановкой на 3 часа в деревнях Алексеевка, Карпово. Расстояние между Марьевкой и Воздвиженкой — 45 верст. Двигаться на с.с. София, Алексеевка, Карпов, паровая мельница, Александровка, Новоселовка и Воздвиженка. Проходя мимо железной дороги Доля – Гришино, предварительно взорвать линию жел. дороги Гришино – Очеретяно, западнее ст. Очеретино на полторы версты. 5) Отряду № 2

выехать из с. Максимилиановки на Городовку, Елизаветовку, через Лозовая, София, Галициновка, Калиновка, Городовка – Петровская. Передышку назначить в с. Галициновке на 3 часа. При переезде линии жел. дороги взорвать пути, сжечь мосты у разъезда Рой и по линии Гришино – Желанная и у разъезда Городовка. 6). При движении соблюдать все меры охранения, связи и разведки дабы не попасть под обстрел бронепоездов. 7) В селах Петровская, Воздвиженка предполагается дневка.

Нач. Оперотд. СРПУ (махновцев) — В. Белаш»[898].

«17/7-20 года с. Долгенькое Харьковской губ. Изюмского уезда. Карта — 10 верстка.

Предписание

Штабу Особой группы войск СРПУ (махновцев) по оперативной части. № 35.

1. Красные не обнаружили место нашего пребывания в с. Долгеньком. Наши ближайшие задачи — как можно скорее занять город Изюм с расчетом не выпустить даже одного комиссара, а потому предписываю: 2) Назначить выезд группы из с. Долгенькое в с. Малая Камышеваха сего 17 июля в 1 час пополудни, где и остановиться до распоряжения. Из с. Малая Камышеваха предполагаются обходные и лобовые маневры наших войск, на что будет дано распоряжение. 3) Издать приказ по полкам группы и самой группе об уничтожении всех до сих пор хранящихся оперативных приказов, за исключением по одному номеру приказа штаба группы прислать в Оперативный отдел Сов. Рев. Повст. Укр. (махновцев).

Нач. Оперотд. СРПУ (махновцев) — В. Белаш»[899]

В военном дневнике за эти дни я фиксировал:

«16/7 в 6 часов вечера выехали по дороге из с. Михайловка в с. Долгенькое. Подъехав к линии жел. дороги на ст. Шидловка, завязался бой с бронепоездом и прикрытием 100 человек пехоты бронепоезда. Мы одержали победу и переехали линию жел. дороги Славянск – Лозовая, и утром прибыли в с. Долгенькое.»

17/7 с утра мы имели связь с большевиками (коммунистами) по телефону, остались ими не замеченными. В 10 часов утра я, дабы ввести в заблуждение большевистские части, передал им телефонограмму следующего содержания:

«Срочная военная телеграмма.

Штабу Повстанческих войск Украины (махновцев). 17/7-20 года 11 час. дня.

Копия командирам группы № 5 с. Некременное № 3 с. Ново-Дмитриевка № 4 с. Христище № 2 с. Маяки № 1 с. Корулька

Предписание.

- 1) Все группы разделить на три отряда, придав каждому из них по полку кавалерии, по 2 орудия с достаточным количеством снарядов.
- 2) Группе № 5 с двумя отрядами стать на линии Сергеевка – Варваровка и отряд оставить в резерве в с. Михайловка, действовать энергично, стараясь зайти в тыл зарвавшимся интернациональным войскам армии ВОХРА и наголову разбить последних.
- 3) Группе № 3 стать на линию, касаясь с. Некременное, Барвинки и Ивановка, севернее Барвинки принять все меры разгрома красных, направления Барвенковкй.
- 4) Группе № 4. Демонстрировать наступление группы № 2 на запад — Славянск, с расчетом оставить один отряд в селе Христище.

5/7 группе № 2.[900]

Сего 17 июля 12 час. ночи выйти из с. Маяки на дорогу г. Славянск – Шурово и на рассвете повести главный удар г. Славянска, тогда, как группа № 4 вступит в бой. Кавалерии действовать фланговыми обходами, на что в состав группы № 2 входит 2 кавалерийских полка, 3 пехотных при 8 орудиях. По занятии города Славянска назначить начальника гарнизона и коменданта гарнизона, которые в первую голову должны разобраться с арестованными и разрушить тюрьмы арестных домов.

6. Группе № 1, придав 3 пехотных полка, 5 кавалерийских при 1 пулеметном полку, при 16 орудиях, выйти на линию Борисо-Глебск – Верхняя Берека. Действовать самым энергичным образом, разрушать на своем пути все преграды, стараясь перерезать линию жел. дороги Славянск – Харьков и Лозовая – Харьков.

Дальнейшее распоряжение группе № 1 будет сообщено секретно.

7. Штаб армии и Совет Революционных Повстанцев (махновцев) остается на старом месте, куда должны прислать все донесения и установить тесную связь между всеми частями.
8. Всех, как красноармейцев и командиров, добровольно сдавшим оружие, не расстреливать, а препровождать в штаб армии, где они будут опрошены; добровольцы могут остаться у нас, не желающих распустить на все четыре стороны.

Нач. Оперотд. СРПУ (мах.)

В час дня выехали из села Долгенькое на г. Изюм, который был после боя занят нами. Взято до 200 пленных, до 50 000 комплектов шаровар, шинелей, белья, простыней, сапог, 8 бречек патронов, сахар и очень много другого военного добра. Много увезено нами, но много и осталось. Освобождены из тюрем арестованные красными 200 человек, которые вошли добровольно в наши ряды. Тюрьму сожгли»[901].

Мы продолжали рейд и предписания управляли войсками:

«21/7-20 года. с. Отрадное Харьковской губ. Змиевского уезда.

Предписание

Штабу Особой группы войск СРПУ (махновцев) по оперативной части. № 39.

Противник по данным сведениям сосредоточивает свои силы на ст. Беляево в районе Волвенкина с целью, чтобы разбить нашу группу.

Наши задачи — пройти линию жел. дороги Харьков – Лозовая с расчетом не встретить сопротивление как бронепоездов, так и других выступивших вооруженных частей.

Конечный пункт назначения — с. Преображенское, с. Середовское, Верхний Орел, что в 15 вер. западнее разъезда Бечевка, а посему предлагаю:

1) Всей группой выступить из с. Михайловна, Отрадное – Добролюбовка – Бабиновка ровно в 6 час. вечера 21 июля по маршруту: Белоцелевка, Зеленая, х. Степановка, д. Лукашева и Преображенская. При движении соблюдать все меры охранения, в особенности при подходе к линии жел. дороги. Если будет обнаружен бронепоезд на нашей дороге, немедленно рассыпать полк пехоты Викторова и стараться отрезать бронепоезд. Для спокойного проезда необходимо будет этой пехоте занять цепью позицию в сторону Харькова и Лозовой по линии жел. дороги на расстоянии от нашей дороги на 4-5 верст.

2) За 1 час перед выездом выделить 2 подрывных отряда, на обязанности которых лежит взорвать линию жел. дороги: 1-му отряду взорвать в 1-й версте у ст. Лихачева, 2-му отряду — у разъезда Беляева.

3) Движение производить следующим порядком: В голове разъезд и дежурный взвод, 2. пехотный полк Викторова при одном орудии, 3. кавполк Гаркуши, 4. батько Махно, штабной взвод и штаб группы, Совет, контрразведка, команда “люисистов”, 5/3 резервных орудия, 6. артсклад, 7. пулеметный полк Кожина, 8. лазарет, 9. снабжение, 10. пехотный полк Клейна, 11. Пехотный полк Клерфмана, 12. кавполк Щуся.

4) По приезду в с. Преображенское должен оставаться штаб группы, Совет, пулеметный полк Кожина, кавполк Гаркуши, пехотный полк Викторова и резервная артиллерия. В х. Лисовинский — артсклад, в д. Середовки — лазарет и полк Клейна. В д. Верхний Орел пехотный полк Клерфмана и кавалерийский полк Щуся.

5) На случай изменения положения будет особое распоряжение. Назначить ночные и дневные условные знаки.

Начальник Оперотд. СРПУ (махновцев) — В. Белаш»[902].

»25/7-20 года. с. Марьяновка Полтавской губернии Константиновского уезда.

Предписание

Штабу Особой группы войск СРПУ (махновцев) по оперативной части. № 42.

Противник старался нас обойти и взять в кольцо, но ввиду нашего налета, он окончательно деморализован, но все-таки может преследовать. Наши задачи: отыскать посильный нам отряд красных, у которых добыть патроны. Такой отряд по словам жителей находится в с. Карповке. В связи с патронами нам необходимо переехать линию жел. дороги и занять конечный пункт с. Михайловку и Гуляй-Степь. Во изменение предписания Оперативн. отд. от 24/7-20 г. за № 41 предлагаю:

- 1) Выезд назначается в 2 часа утра 26-го июля одновременно всей группой по одной дороге из с. Марьяновки и Тишиновки в с. Михайловку и Гуляй-Степь, что в 25 вер. юго-западнее от с. Карповки по маршруту Карповка, Шелковичное заведение, Федоровка, Тарановщина, Михайловка и Гуляй-Степь.
- 2) Назначить два подрывных отряда, на которые возложить задачу взорвать линию железной дороги западней Карповки и у разъезда Нежеланная.
- 3) Повести наступление на ст. Карповку, а обоз[903] пропустить, если будет возможно у с. Карповки, через линию жел. дороги, а если не будет возможности, то пропустить обозы у с. Федоровки через линию жел. дороги, избегая обстрела бронепоездов.
- 4) Принять все зависящие меры охранения, разведки и связи.
- 5) В случае изменения положения будут особые распоряжения.

Нач. Оперотд. СРПУ (махновцев) — В. Белаш»[904]

От Гуляйполя до Зинькова на всем пространстве нам попадались красные части ВОХРа. Эти войска были предназначены для тыловой службы и представляли собой, в основном, небольшие единицы, не выше батальона. Но были весьма многочисленные, так на начало июля численность их на Украине была свыше 20 тысяч человек[905]. Они, хорошо вооружившись бронепоездами, охраняли железнодорожные узлы, города, заводы, фабрики и частично выполняли обязанности продовольственных и карательных отрядов. Попадались батальоны и отряды ЧК, караульные роты и батальоны, отряды местных формирований, а также крупные единицы регулярных войск. Но махновской армии, к этому моменту возросшей до 12 000 штыков, 3 000 сабель, около 600 пулеметов, 16 орудий, конечно, они не могли противостоять. Очень часто при первой встрече, красноармейцы, уничтожая своих командиров, переходили на сторону махновцев.

Единственно сильной войсковой единицей была Чаплинская группа, пополненная после первого поражения. Она прикрывала тыл 13-й Красной армии и насчитывала в своих рядах до 5 000 штыков, 1 000 сабель, при 12 орудиях. Кроме того, в ней были чекистские элементы, как-то: батальоны ЧК Харьковского, Питерского, Московского и других центральных городов.

13-го июля, когда мы проходили Юзовский район, Чаплинская группа неожиданно напала на нашу левую колонну — пехотную группу Клейна и с помощью бронепоездов разбила ее

окончательно в районе ст. Кураховки. Группа Клейна состояла тогда из 3-х полков (3 000 штыков) и одного кавполка (500 сабель) при 100 пулеметах и 5-ти орудиях. Клейн успел выхватить два орудия, 30 пулеметов и кавполк: все остальное попало в плен. Тут же на месте чаплинцы расстреляли до 2 000 пленных, а остальная тысяча, какими-то путями, спаслась от расправы, укрывшись на чердаках, и лишь через несколько месяцев попала в армию. В отместку за поражение, Клейн, поднимаясь к северу от с. Солнцево, 15 июля налетел на Гришино и разгромил все советские организации.

В тот же день он соединился со штабм в с. Шахово, где была выделена специальная военная комиссия из 11 человек выборных от частей под моим председательством на предмет выяснения причин поражения. Комиссия установила, что на стоянке Клейн вел себя беспечно, не выставив наблюдателей и застав, была плохая связь и разведка между группами, ночью образовался разрыв кавалерии от пехоты. Смертный приговор, вынесенный комиссией Клейну, был заменен строгим выговором и переводом на полк, в котором был, между прочим, батальон (600 человек) китайцев, латышей, повстанцев других национальностей.

21-го июля Чаплинская группа вновь бросилась на нас в наступление. Разгромить ее, конечно, не представляло больших трудов, но мысль, что это отразится на врангелевском фронте в пользу генерала, остановила нас. Мы не приняли боя, а, свернувшись, ушли по намеченному маршруту.

Кобеляцкий уезд, если читатель помнит зиму 1919 г., был нашим северным операционным плацдармом. Кроме дивизии Бибикова и группы Матяжа, там находился наш отряд в 2 000 штыков, 4 000 сабель, 4 орудия и пулеметы Макеева. С приходом Красной Армии эти силы частично рассосались в ее рядах, остальные опасаясь попасть в руки ЧК, бежали в свои районы или попрятались здесь же, на Полтавщине.

В Кобыляцком уезде мы встретили новые отряды: Матяжа до 700 штыков, Живодера — 600 штыков и Левченко[906] — 500 штыков. Эти атаманы между собой враждовали за первенство: в них было развито антисемитское движение. В с. Китай-Городе мы их влили в один полк и назначили командиром Живодера. В то время Левченко был подчинен петлюровскому повстанскому, и, кажется, был его членом. За его антисемитские воззрения, за частичные погромы комиссия антимакновских дел приговорила его к расстрелу, а отряд — к разоружению. Но он, дождавшись ночи, бежал на Правобережье Днепра.

Третье августа ознаменовалось упорным боем с чаплинцами в с. Пески, что в 30 верстах северо-восточнее г. Кременчуга. Вечером группа неожиданно пошла в наступление и успела уже занять левый берег р. Хорол. Но наша конница, во главе с Махно, ударила ей с тыла и смяла обоз, забрала 16 пулеметов, 4-е орудия и до 500 пленных, остальные бежали на Полтаву. Пленные после митинга остались в наших рядах.

В районе Манжелея — Пески мы встретили новые партизанские отряды осколки бывшей группы Блакитного.

В то время, когда красный террор особенно процветал на Украине, эти отряды соединились для самозащиты. В начале июля они объединились под руководством петлюровца Скирды и занимали район Пески. Теперь они были разрознены и добровольно вливались в нашу армию. Все вместе взятые отряды: Рядно, Петренко, Калиберды, Беленького и других, не могли составить даже полка. К тому же они были весьма автономны и просились оставить их в районе для защиты своих сел. Их просьба была удовлетворена.

9-го августа армия заняла г. Зеньков, где обезоружила местный батальон ВОХРа.

Второй рейд знаменовался разрушением государственного аппарата и террором административных лиц (предревкомы, милиция, председателей комнезамов, ЧК, карательных отрядов и т. п.), освобождением из тюрем арестованных и разрушением самих тюрем.

Разъяснением населению причин борьбы, пропаганду и агитацию идей Свободных Советов, самоуправления, которые устраняют само существование бюрократии, пропаганду творческой инициативы каждого, пропаганду анархо-коммунистических идеалов без насилия и надзора партий и личностей.

Рейд свыше 750 верст прошел селами и городами Екатеринославской, Харьковской и Полтавской губерний (см. карту).

Армейская газета «Вольный повстанец» в своем № 44 (1920 г.) писала:

«За время рейдов и пребывания в Екатеринославской губ. от 20 мая до 9 августа 20 года нами в бою взяты целиком в плен следующие красные части: 1) 323-й батальон, 2) эскадрон 6-го кавполка червоного казачества, 3) 522-й стрелковый пехотный полк, 4) 1-й ударный батальон, 5) 429-й батальон ВОХРа, 6) 430-й батальон ВОХРа, 7) батальон 7-го трудполка с полковым обозом, 8) маневренный отряд тыла 14-й армии, 9) запасный батальон 14-й армии и много других мелких частей. Итого — 13 400 человек.

В бою нами разбиты следующие части красных: 1) 3-й латышский зап. бат., 2) 233-й батальон ВОХРа, 3) Чаплинская группа, 4) 520-й стрелковый пехотный полк, 5) 521-й пехотный полк, 6) 5-й, 6-й, 8-й отряды, 7) запасный батальон Изюмского гарнизона, 8) 173-й орловский батальон и много других красных частей. Итого — 26 000 – 30 000 штыков.

В бою с нами красные потеряли убитыми до 2 000 чел., большинство из них большевики-коммунисты и комсостав. В бою с нами взято 5 орудий, 2 300 штук снарядов, 93 пулемета, 2 миллиона четыреста тысяч патронов, 3 600 винтовок, 25 000 комплектов шаровар и шинелей, 25 000 комплектов белья, обоз 46-й дивизии, парк 3-го артиллерийского дивизиона, лазарет 13-й армии и много другой военной добычи...».

Весь пройденный путь сопровождался выделением из резерва командного состава организаторов, которые оставались на местах с отрядами в 50-60 штыков при нескольких пулеметах каждый, с заданием формироваться, то есть объединять вокруг себя местные повстанческие элементы, пропагандировать идеалы анархизма-коммунизма и самоуправления, пропагандировать идею Третьей Социальной революции, разрушать

институты насилия и произвола.

Откомандировывались организаторы и в более отдаленные районы.

Так Буданов едет на Старобелищину, где оперировал Каменев, посланный туда в 1919 г.; Воробьев в Теплинские леса, что в Изюмском уезде к Сыроватскому и Колесниченко; Огарков остается в Павлоградском уезде; Москалевский — в Юзовском районе; Вдовиченко — в Бердянском и Мариупольском уездах; Каленик[907] и Чалый — в районе Великомихайловки; Брова[908] в Новомосковском уезде и т. д.

Город Зеньков утопает в лесах, которые тогда были наполнены повстанцами группы Христового и Бутовецкого. Они, как и все махновцы, Совправительством в начале 1920 г. были объявлены вне закона. Только был нами занят город — Христовой и Бутовецкий не замедлили явиться в шторм. Им было выдано оружие и деньги. В своих рядах они насчитывали до 3 000 штыков и 300 сабель при 2-х орудиях. Кроме того, атаманы: Карабут, Рубан и Кацюра, прибывшие из Чигиринского района, также получили оружие и деньги.

Таким образом, внешняя обстановка благоприятствовала махновщине. Повстанчество росло, армия увеличивалась. Культотдел расточал лозунги о Вольном Советском строе, печатая новые десятки воззваний.

В частности, газета «Путь к Свободе» писала:

«Махновщина не есть анархия. Махновская армия не состоит из анархистов и не является анархической армией.

Анархистский идеал “всеобщего счастья и равенства” не может быть добыт усилиями какой бы то ни было армии, даже если бы она целиком состояла из одних анархистов.

Революционная армия в лучшем случае годится для разрушения старого, в деле же строительства, созидания и творчества любая армия, естественно, опирающаяся на силу и приказы, совершенно бессильна и вредна. Не анархистские армии, не отдельные героико-одиночки, не группы, не конфедерация анархистов создадут для рабочих и крестьян свободную жизнь, а только труженики сами сознательными усилиями могут устроить свое счастье без властей и хозяев.

Под махновщиной разумеется то повстанческое движение, которое уже два года проходит под руководством анархиста Махно.

В махновских рядах объединены добровольцы крестьяне и рабочие, восставшие с оружием в руках для борьбы с притеснителями.

Это движение за все время своего существования не колебалось, оставаясь неизменно непримиримым как против буржуазии, кулаков и помещиков, так и против чиновников различных правительств гетманской и петлюровской, деникинской и коммунистической властей.

Ближайшая задача махновцев — добиться Свободного Советского строя, без партийной диктатуры, без власти чиновников. Каждый махновец возможный анархист, и по окончании войны и возвращении домой — строитель будущего».

Об интернационализме и недопустимости антисемитизма много писалось в прокламациях и газетах.

Так «Вольный повстанец» от 11 августа 1920 г. писал:

«По прибытии первых частей в Шишаки неизвестно до сих пор штабу, коих частей повстанцами был изрублен местный учитель-еврей, который совершенно вне всякой политики (и совершенно невинный человек). Ввиду этого совет армии и штаб группы не намерен дальше допускать самочинных расстрелов кого бы то ни было и загрозяния нашего движения. Приказываю командирам частей и начальникам команд объяснить повстанцам, что для нас не есть враг нашего революционного Движения мирный житель, но, наоборот, будь-то русский, еврей, армянин и т. д., стоящий у власти, это и есть наш враг.

Б. Махно».

Между тем, внутренний разлад начал разъедать армейский организм. Известный синдикалист и набатовец Барон-Полевой неизменно проповедал идеи закрепления занятого района и применения анархистских экспериментов. Кроме того, он стремился гуляйпольскую и новоспасовскую группы анархистов подчинить секретариату «Набата», к тому времени состоявшему из синдикалистов и незначительного числа коммунистов.

На экстренном заседании Совета со штабом армии и культотделом, Барон поставил вопрос о дальнейшей связи секретариата «Набата» с махновщиной.

После его доклада выступил Долженко, который, от лица союза анархистов Гуляйполя, сказал следующее:

«Дорога, избранная махновщиной, верна. Говорить о закреплении района для формирования Советского Строя, значит повторить старую ошибку. Во-первых, армия недостаточно сильна, чтобы удержаться в блокаде. Во-вторых, она не может оторваться от громадной оперативной и продовольственной базы, не может стать замкнутой единицей. К тому же, крестьянство разбито на группы и не представляет цельного организма. Одна из них объединяется вокруг большевиков, другая — вокруг петлюровцев, третья — вокруг белогвардейцев, четвертая — вокруг махновщины. Эти группы ведут между собой борьбу экономическую, и большевики стремятся влить в нее классовую струю. Но мы же боремся за внеклассовое общество и отказываемся разжигать классовые страсти. Мы двигатели 3-й революции и создатели новых лозунгов, мы среди борющихся классов являемся как бы центральным, революционным бродилом, которое приводит в движение угнетенное многомиллионное крестьянство. Как видно, повстанчество вкраплено в Украину, как самостоятельный организм. Но в нем нет единообразия, нет единой армии, нет единой воли, нет единого лозунга. Наше революционное бродило, приводящее в движение крестьянские группы, не способно дать определенное направление этому движению. Нас мало для того, чтобы приступить к созидательной работе, да и глупо теперь, когда не закончена

разрушительная работа, за это браться. Занятие района не может уничтожить власть, отчего такая идея как разоружение повстанчества в пользу борющихся политических властнических партий — реакционна.

Третью революцию может создать народ, но, ни в коем случае, наша армия. Вот и полезно, чтобы она была революционным центральным бродилом, вокруг которого будут группироваться недовольные элементы. Вместе с ними армия будет продолжать борьбу с властническими государственными организациями. Поэтому, чтобы стать сильной, наша революция должна охватить все народные группировки. Сохранив профессиональные союзы и экономически-хозяйственные организации, мы должны вести неустанную борьбу за счастье неимущего класса.

Октябрьская революция создала целую сеть таких организаций. Нам надо только очистить их от политического влияния большевиков, и тогда они станут нашими, социалистическими.

Вы знаете, что общественная жизнь России в прошлом была мало развита, отчего правительство принимало неимоверную силу. Вместе с господствующей партией оно представляло, да и теперь представляет, особую группу имущего класса. Расширение по Марксу правительственной деятельности в настоящее время усиливает ряды коммунистической партии. Это верно. Но расширение функций государства, как вы знаете, и увеличивает силу бюрократии, партийной или административной, это все равно, которая из них является более важной. Это судья, стоящий между преступником и его жертвой. Его поощрительные законы — удар по рабочим и беднейшему крестьянству или милость кому-либо из них за счет какой-либо другой социальной группы.

Большевики стали отщепенцами, хотя они и выдвигают лозунги пролетариата. Государство стало хозяином орудий производства и блажителем индустриального пролетариата, которого фактически у нас почти нет. Это маленькая группа, во имя которой издаются законы, и которая, вместе с партией, является особой группировкой над пролетариатом. И вот, мы будем бродить по селам, будируя сознание крестьянства, а вы уходите на заводы и также будите уснувшие страсти рабочих, выдвигая их прямую задачу — социализацию орудий производства. Не согласны на этом поприще вместе работать — мы с вами порываем связи навсегда и будем считать вас, как обособленную группировку в анархическом организме».

Вначале Барон возражал. Но под конец признал, что необходимо городским анархическим организациям влиться в профсоюзы, добиваясь советской трибуны, что махновщина должна остаться центральным, революционным «бродилом» на селе. В отношении политического руководства махновщиной и организации чуть-ли не анархической партии с руководящими тенденциями, он заверил, что, рано или поздно, мы к этому сами придем.

У него сложилось мнение, что махновщиной верховодит Махно, окрыленный славой и ставший украинским Бонапартом. Но он ошибался, как и многие, особенно, биографы Махно. Надо было видеть, как Махно представлял собою послушного представителя гуляйпольской, новоспасовской и дибривской анархических групп, объединившихся в «Союз анархистов Гуляйпольского района». Он не самовластвовал. Новоспасовцы, гуляйпольцы и дибривчане,

зачинщики восстания в тылу гетмана, всецело управляли его действиями. Он ничего не предпринимал без согласия «Союза», который часто действовал без его ведома, а порою вопреки его желанию. Члены «Союза» оказывали ему почтение, где это нужно было, но наедине обходились с ним, как с равным. Не допуская постороннего влияния на батьку, «Союз» не желал иметь других приближенных и доверенных, кроме гуляйпольцев, новоспасовцев и дибривчан. Так было и с печатью и подписью. Если подпись Махно, по каким-либо соображениям, была необходима, «Союз анархистов» ее брал даже против его воли.

Вот, кто потрясал гетманщиной, деникинщиной, большевиками; вот, кто объединял, организовывал и руководил махновщиной. Махно же в движении занимал почетное положение и был доверенным лицом анархического коллектива в лице «Союза анархистов Гуляйпольского района».

Красные части, между тем, подходили к г. Зенькову и насчитывали солидное войсковое соединение: до 7 000 штыков, 1 000 сабель, пулеметы, орудия, бронепоезда. 12 августа произошел бой, в результате которого красные, оставив до 1 000 пленными, 6 орудий и 20 пулеметов, отойти в южном направлении. 14 августа они, соединившись с Чаплинской группой, снова перешли в атаку. Но четырехчасовым боем были отброшены на восток, оставив свыше тысячи пленными.

В это же время в сводке № 113 для членов ЦК Информационного отдела ЦК КПУ от 13 августа 1920 г. сообщалось:

«Общее положение на местах.

...Екатеринослав.

Улучшение, о котором сообщалось в сводке на прошлой неделе, оказалось только внешним.

Было разбито несколько бандитских отрядов, но не уничтожено.

В Криворожском и Верхнеднепровском уездах появились новые мелкие банды, которые идут на соединение с Махно.

Почти повсеместно бандитизм начинает принимать петлюровскую окраску. Чувствуется связь и организованность, чего не наблюдалось раньше.

В махновских бандах работают бывшие боротьбисты Матяш и Олейко (бывшие члены Екатеринославского губкома боротьбистов)...

...Полтава.

Бандитизм по губернии развился до больших размеров. Бандитами заняты Гадяч и Зеньков. Последний занят махновцами. Бандитами разграблены Циглеровский сахарный завод, Венгерский и Глебенский.

По мнению президиума Политгубисполкома операции ведутся недостаточно успешно потому, что руководство ими исходит из Харькова. Необходимо перенести полевой штаб, ведущего операции в Полтаве.

Завинформотделом ЦК»[909].

В это время писатель и гуманист В. Г. Короленко, проживающий в г. Полтаве писал Луначарскому:

«...Вся наша Полтавщина похожа на пороховой погреб, и теперь идет уже речь о расстреле заложников, набранных из мест, охваченных повстаньем. Мера, если ее применить, бессмысленная, жестокая и только вредная для тех, кто ее применяет...»[910].

Там же В. Короленко писал о Махно:

«...Вообще это фигура колоритная и до известной степени замечательная. Махно — это средний вывод украинского народа (а может быть и шире). Ни одна из воюющих сторон без него не обходилась. Вам он помог при взятии Донецкого бассейна. Потом помогал добровольцам, хотя бы пассивно, очистив фронт. При последнем занятии Полтавы махновцы опять помогли вам. А затем Советская власть объявила его вне закона. Но он над этим смеется, и этот смех напоминает истинно мефистофельскую гримасу на лице нашей революции...»[911].

15-го августа 1920 г. армия повстанцев оставила г. Зеньков, поручив его охрану группе Христового, к тому времени выросшей до 6 000 штыков, 500 сабель, 40 пулеметов и 4-х орудий, а сама ушла в обратный путь.

На рассвете 16 августа был занят г. Миргород, где местные жители грабили продсклады.

Здесь остался отряд (100 штыков) Кацюры, а мы шли на юг. В городе к нам попали газеты, сообщавшие, что врангелевский десант генерала Назарова, высадившийся 9 августа в Новониколаевской станице, что в 60–70 верст западнее г. Таганрога, прошел ст. Матвеев-Курган, стремясь проникнуть в Новочеркасский округ. 14 августа Врангель снова повторил десантную операцию в Азовском и Черном морях на Кубань и в Черноморскую губернию. Один из них высадился в станице Ахтари, другой — в Карантин-Бугазе (на Тамани) и третий — между Новороссийском и Анапой. «Приняты срочные меры для их ликвидации», — писали газеты.

Кроме того, они повествовали о Польском фронте следующее:

«В начале мая 3-я польская армия генерала Кальницкого заняла Киев и северное правобережье Днепра. К 26/5 1-я конармия Буденного сосредоточилась в районе Умани и, перейдя в тыловой рейд 8-го июня, заняла Бердичев и Житомир. 12-я Красная Армия, тем временем, развивая наступление, заняла Киев. Конный корпус Гая сосредоточился на правом фланге польского фронта и также, как и 1-я конная армия, перешел в тыловой рейс и 10/7 заняли Минск и Молодечно. Группировка конных масс по флангам польскую армию ставила под угрозу. К 14-му июля Буденный вышел из Долбуново на Львов, а Гай — из г.

Вильно на Гродно. 20/7 Красная Армия заняла г. Дубно, Слоним, Шары, а 26-го: Тернополь, Броды, Радзивиллов и 27-го — Осовецкую крепость. К 3-му августа правый фланг при поддержке Литовских войск, выдвинулся западнее Брест-Литовска, Ломжи, а середина — в Ковель. Таким образом, к 15 августа на польском фронте установилась линия фронта 15 верст восточнее Львова, 50 верст восточнее Люблина, 20 верст восточнее Ивангорода, в 10 верстах восточнее Варшавы, западнее и южнее Полоцка, восточнее Торна и южнее Лебау.

Разработанный командующим армиями Западного фронта М. Тухачевским план наступления глубоко охватывающим маневром правого фланга фронта в обход Варшавы, не был шедевром военного искусства. Он не был обеспечен прочным базированием, осей захождения, это был, собственно, глубокий рейд к Варшаве.

Войска были истощены и ослаблены и держались на том, что «были сильны духом и не боялись противника»[912].

Ударная группа Пилсудского повела наступление на открытый левый фланг Тухачевского и опрокинула его. Окруженные главные силы фронта без снарядов, без снабжения и патронов, прижатые к границе Восточной Пруссии сражались за свое выживание, а Тухачевский со штабом находился далеко от своих войск, в глубоком тылу, из салона вагона по карте и телеграфу управляя ходом операции. Но и эта связь вскоре была прервана. Войска фронта остались без командующего и без управления. Финал операции проходил без участия Тухачевского, так как он не додумался в эти критические дни появиться в попавших в западню войсках.

Некоторые части, в том числе и корпус Гая, были разбиты и из-под Варшавы остатки их прорвались в Восточную Пруссию, где были интернированы.

17-го августа Совправительство заговорило о перемирии с Польшей, а мы обсуждали вопрос ликвидации десанта Назарова. Мы считали что, если Назаров продвинется в глубину Дона, ему удастся поднять восстание, с которым Красная Армия, в силу поражения на Польском фронте и на Крымском фронте, не в силах будет бороться. Чтобы предупредить восстание на среднем Дону и отстранив офицеров, рядовую массу казаков влить в свою армию, мы решили идти туда.

Оперативный отдел Совета Революционных Повстанцев Украины (махновцев) прокладывал маршруты очередного рейда и издавал предписания Штабу Особой группы войск СРПУ.

«28/8-1920 года. с. Петровское Харьковской губ. Изюмского уезда.

Предписание

Штабу Особой группы войск СРПУ (махновцев) по оперативной части. № 62.

По сведениям в с. Грушеваха и Вел. Камышеваха находится отряд красных, до 200 человек пехоты, до 50 сабель кавалерии при нескольких пулеметах.

Наша задача: разбить наголову отряд красных и тем сделать для себя свободным проход, который предполагается 30 августа.

Во исполнение сего предлагаю:

- 1) Выделить из группы один пехотный полк, один кавалерийский полк, при пулеметах «максим» и пулеметах «люис», при одном орудии под командой комгруппы тов. Марченко, которым и поручается разбить отряд красных 29/8 в 6 часов вечера.
- 2) Во время боя стараться действовать фланговым обхватом.
- 3) Все остальные части группы оставить на своих местах.
- 4) В случае изменения положения будет дано особое распоряжение.

Нач. Оперотд. СРПУ (махновцев) В. Белаш»[913].

28 августа мы заняли с. Петровское, что в 30 верстах западнее г. Изюма. Чаплинская группа, преследовавшая нас с Полтавщины, подошла на рассвете. С 12 часов ночи она открыла орудийный огонь, на который наши батареи не отвечали.

Наша разведка всю ночь выясняла расположение и силы красных и лишь утром, когда особенно было туманно, Махно и Куриленко с одной кавбригадой, вышел за село. Они подошли вплотную к красным цепям и не заметили, как очутились в пулеметном окружении. Была небольшая заминка. Вдруг пулеметы открыли огонь: Махно и Куриленко тяжело вывалились из седел, оба ранены в ноги, ниже колена. Но кавбригада не растерялась. Она бросилась в атаку и, изрубив до двухсот красноармейцев, захватила 20 пулеметов. Так завязался бой. Чаплинская группа была окончательно разбита и с этого времени прекратила свое существование.

Тяжелое ранение Махно и Куриленко на долгое время вырвало их из штаба и Совета: они отошли от работы и были на лечении.

В это время начальник штаба красных войск ВОХР Республики докладывал начальнику войск о боевых действиях частей Красной Армии и ВОХР против повстанцев во второй половине июля – августа 1920 г. В нем говорилось:

«В действиях Махно, начиная со второй половины июня, можно усмотреть четыре фазы развития операций: первая — когда Махно концентрировался в районе Чаплино – Гришине – Волноваха – Пологи, вторая — операции Махно в Славянском и Изюмском районах, третья — операция в Полтавщине и у Кременчуга и, наконец, четвертая — в районе Павлограда и Изюма.

Имея в своем распоряжении 3 пехотных полка, кавалерию, 60 пулеметов, 8 орудий, обоз, 85 тачанок и 35 лазаретных двуколки. Махно, находясь в районе станции Чаплино – Гришино – Волноваха – Пологи, был заключен, как бы в кольцо. Кольцо это замыкали наши части, расположенные в следующем порядке: со стороны Гуляй-Поля: части начучтыла 7, 125

бригада, 377 полк, 36 полк, отряд Стеслицкого, 67 бригада, особая группа Куличенко и 185 бригада; со стороны Гришино: 174 бригада, особый отряд Мусатова, сводный отряд, маршевый батальон начтылгуба и 82 бригада, бронелетучка № 207, бронепоезд № 24 "Советская Украина" и бронеплощадка; со стороны Волновахи: 9 особый отряд, 80 желдорбатальон, 42 дивизия, 375 полк и 164 бригада.

Из операций Махно вытекало его стремление прорваться или на юг к Врангелю, или на север в район действия мелких повстанческих групп, оперировавших в то время в Полтавщине и в Славянском районе.

К 1 июля сего года стали поступать сведения о концентрации сил махновцев юго-западнее ст. Гришино с целью прорыва на Гришино, для ликвидации какового прорыва выделена была особая группа в составе: отряда 233 батальона, 5 особого отряда, конной разведки, 8 особого отряда, 23 батальона, батальона начальника (участка) тыла, 234 батальона, роты харьковского губвоенкома, одного артвзвода, легкой батареи тыла армии и бронепоезда № 2 (сводка № 171).

16 июля в районе Максимилиановки, 30 верст южнее Гришино, происходил бой, в результате которого Махно хотя и отступил, но, тем не менее, продолжал концентрировать силы для прорыва в район Славянск – Гришино – Очеретино, что ему в конце концов удалось. Махно после занятия Казенногорское, 30 верст северо-восточнее Гришино, начал движение на Новомосковск и ст. Дружковка. 20 июля махновцы были в Стратилатовке (см. сводку № 189), 8 верст южнее Изюма и в 25 верстах северо-западнее Барвенково, и в тот же день заняли г. Изюм. Силы Махно после прорыва доходили до 1 000 штыков, 400 сабель, 4 орудия и 65 пулеметов, из коих 40 пулеметов составляли пулеметный полк.

Гор. Изюм махновцы занимали недолго и, оставив его, ушли в дер. Камышеваха, Спеваковка, что 20-25 верст западнее Изюма.

Наши отряды были сосредоточены на линии Славянск – Лозовая.

Имея целью пробраться в Харьковский район, Махно атаковал дер. Чепел, 30 верст северо-западнее Изюма, и занял Гусаровку, 40 верст северо-западнее Изюма.

Для захвата махновцев в дер. Петровское была сгруппирована Чаплинская группа, бронепоезд "Советская Украина" с десантом направлен на ст. Савинцы. Батальон МЧК и Гайчурская группа направлены на дер. Мечебелово, имея целью действовать с запада.

Вслед за тем махновцы резко взяли на запад и, заняв дер. Михайловское и Отрадное и взорвав железнодорожный путь между ст. Лихачевка и Краснопавловка, перешли полотно и двумя эскадронами при нескольких сотнях тачанок, расположились в с. Преображенском и хут. Середовском, 20 верст юго-западнее Лихачеве, намереваясь идти далее на юго-запад.

Находясь постоянно под непосредственным давлением наших отрядов, Махно принужден был менять быстро свои направления, и теперь также резко повернул на север и прошел в дер. Староверовку, 35 верст юго-западнее Мерефы, направляясь в район г. Валки, гарнизон которого приведен в боевую готовность.

Из Староверовки Махно начал движение на запад. Для встречи Махно наши части расположились в следующем порядке: группа — маневренный отряд Харьковского сектора ВОХР под командой Степанова и отряд Колоколова с кавполком — у с. Тышинково, отряд Клепикова — у дер. Карловка, 8 стрелковый полк — Константиноград — Карловка, 7 трудполк — в районе Нижне-Ланная, 185 бригада — в районе Карловки, бронелетучка № 207 — на ст. Константиноград, бронепоезд № 57 — на ст. Карловка, бронепоезд № 24 — на линии Борки – Тройчатое, кавполк 2-го маневренного отряда — в районе Ольховатовки, отряды Чаплинской группы — в районе с. Рождественского и 3-й маневренный отряд — в районе с. Новая Водолага.

В дер. Верхне-Ланная наши силы вступили с махновцами в бой, в результате которого махновцы захватили половину обоза 7 трудполка и, прорвавшись, заняли ст. Карловку.

Имея движение на с. Маячки, Махно занимал район дер. Михайловки, 20 верст юго-западнее Карловки, где сосредоточено у него два пехотных, один кавполк, 4 орудия и 100 пулеметов, и к 1 августа своими главными силами проник в с. Магдалиновка, 35 верст северо-западнее Новомосковска (разъезды замечены в с. Царичанка).

Для воспрепятствования движению махновцев на юг, в Гуляйпольский район, наши части заняли следующее положение: маневренный отряд Степанова — в районе с. Губиниха, Чаплинская группа — Зачепиловка – Перещепино, бронепоезд № 24 — в районе ст. Лозовая, отряд т. Плиушенко — линия Кобеляки – Соколки.

В половине августа, после чего, как части махновцев из района Маячки – Царичанка, перейдя р. Орель, расплылись в районе с. Орлик, 35 верст южнее Кобеляки, крупные силы Махно, просочившись в Зеньковский район, 50–60 верст севернее Полтавы, быстрым ударом занял г. Зеньков. Силы Махно исчислялись здесь тремя ротами пехоты, 200 сабель, 70 пулеметов, 5 орудий. Вслед за г. Зеньковым, откуда был скоро выбит, Махно занял Миргород и, бросив его, ушел в сторону Хорола, где пройдя с. Новоаврамовку, остановился в дер. Родионовка, 25 верст юго-восточнее Хорола. Отсюда Махно быстро прошел с. Остапье занял с. Манжелея и, перейдя железную дорогу Кременчуг – Полтава, остановился в с. Калиберда, 25 верст юго-восточнее Кременчуга.

В это время против махновцев оперировали: 185 бригада ВОХР со стороны (Зенькова) и 20 бригада в составе 177-го и 234 батальонов, и батальон МЧК с севера, а со стороны Полтавы выслан 176 батальон и бронепоезд № 24 “Советская Украина”.

При занятии махновцами ст. Галешино, 20 верст восточнее Кременчуга, бандами захвачен санпоезд, прислуга которого вырезана. Навстречу бронепоезду № 24 был пущен паровоз санпоезда и за бронепоездом взорван путь. После упорного боя, ввиду подбития поезда махновской артиллерией, команда оставила поезд и взорвала его.

После с. Калиберда Махно прошел Царичанку, Китай-Город и, сосредоточив крупные силы в с. Кочерыжки, начал наступать на с. Вязовск, 12 верст севернее Павлограда. С нашей стороны в бою участвовали: 1 кавбригада 20 кавдивизии, 20 бригада ВОХР, 1-й и 2-й маневренные отряды Харьковского сектора ВОХР, бронепоезд № 73, 58 и 87 на участке

Синельниково – Павлоград и № 2 на участке Павлоград – Лозовая.

После упорного боя Махно начал оттягивать свои силы и ушел в с. Сергеевка, Еленовка и далее в с. Павловка на р. Орель, 30 верст западнее ст. Лозовая. Взорван мост через р. Орель на железнодорожной линии Лозовая – Константиноград, Махно перешел железную дорогу и расположился в районе Нижний Орел. Отсюда, пройдя на восток в с. Краснопавловка и Павловка, Махно начал движение на г. Изюм.

Во время перехода железной дороги Махно взорвал путь на участке Беляевка – Краснопавловка. Преследовавший его бронепоезд № 57 вступил с ним в бой и, получив пробоину в лобовой башне и лишившись двух орудий, принужден был уйти на ст. Лихачево, 20 бригада продолжала преследовать Махно до с. Петровское, 20 верст западнее Изюма, где вступила вновь с ним в бой. Силы Махно исчислялись в 2 000 штыков, 700 сабель, 40 пулеметов и 7 орудий.

Ввиду превосходства сил противника, 20 бригада, понеся потери, принуждена была отступить на север, к Балаклае, и на запад, к Краснопавловке. Махно же, пользуясь моментом, начал распространяться на север от Изюма и далее в сторону Валук.

Параллельно с операциями Махно на территории левого берега Днепра начали усиленно возрастать бандитские группы и повстанческие движения по правому берегу Днепра на Украине.

Пользуясь некоторыми бандами, уже сравнительно давно державшимися в районе Чигирина (Калиберда), западнее Кременчуга (Кваш) и западнее Александрии (Клепач), Врангель и польское командование при помощи своих агентов начали усиленно пропагандировать среди населения выступление против Советской власти, снабжая одновременно бандитов всеми видами оружия и деньгами.

Со стороны Польского фронта в Киевский район брошен бандит Струк с широким заданием терроризировать район Киева, который действуя совместно с Мордалевичем, начал распространяться к югу, подняв восстание в Белоцерковском и Фастовском районах.

Одновременно с ним ведет активные операции в Таращанском и Звенигородском районах бандит Тютюнник и Грызло, именующий себя атаманом вольного казачества.

Южнее банды Дергача, Калиберды, Хмары и Кваши объединенными действиями захватили район Чигирина и Новогеоргиевска, 20 верст северо-западнее Кременчуга, делая налеты на станции и порывая железнодорожное сообщение и телеграфную связь.

Объявленный на осадном положении Александрийский уезд полон также активными бандами, которые не распространяются уже более к югу, а как бы, перекидываясь через Днепр в район Кобеляки – Полтава, связываются тем самым с махновскими бандами.

Несмотря на самостоятельные операции каждого из отрядов и банд и их видимую необъединенность в действиях, район Киев – Бахмут можно считать сплошной полосой восстания, поддерживаемого белыми, лишаящего Советскую власть возможности

нормально работать на Украине и на Дону.

Начальник Штаба ЕЮХР»[914].

3-го сентября мы заняли город Старобельск, в котором местные хирурги оперировали Махно и Куриленка. Город охранялся батальоном ВОХРа, который сложил оружие и большая половина перешла к нам, а меньшая — бежала на Луганск.

Еще за 50 верст от города крестьяне окрестных селений двигались за нами громадной вереницей, как это было при занятии Изюма, Зенькова, Миргорода. Они знали, что махновцы раздают содержимое складов, отчего спешили со всех сторон.

С тружениками села мы любили беседовать. Они рассказывали: «В восемнадцатом году мы боролись с помещиком и победили. В девятнадцатом пришли большевики и захватили в свои руки все помещичьи земли и даже объявили национализированной и нашу жалкую собственность, от которой, если бы устроиться на жалование в завод, мы охотно отказались бы. В распоряжение Наркомзема поступили не только земли, но и инвентарь. Он организовал советские хозяйства, а с нас Компрод требовал разверстку по твердым ценам. А, как сами знаете, была весна, надо было сеять. Армия забирала у нас зерно, отчего мы сократили посев наполовину. Когда же подходило лето, красные отступили, и пришел помещик. Мы за вилы и ну его колотить. Наступила новая весна, и снова пришли красные, снова начали требовать хлеб. Мы им говорим: берите хлеб со своих совхозов, а они нам отвечают, что Наркомзем был плохо организован и не засеял помещичьи земли, отчего они не дали урожая. Теперь Советское правительство поправляет свои прошлогодние ошибки. 5 февраля 1920 г. декретом объявляется, что “все бывшие помещичьи, казенные, монастырские и удельные земли, конфискованные еще в прошлом году Соввластью, переходят без всякого выкупа в пользование всего украинского трудового народа и в первую очередь для удовлетворения нужд в земле безземельных и малоземельных крестьян и земледельческих рабочих”[915].

Таким образом, если на Украине в 1919-ом году в ведении Наркомзема было 1 104 600 десятин, земли, принадлежащих 1 685-ти совхозам, то в настоящем 20-м году за Наркомземом остается 375 667 десятин земли, обрабатываемой 571-им совхозом[916]. Это и говорит о том, что Наркомзем не в состоянии без нас ее обработать. А у нас нет рабочего скота, нет инвентаря, а Наркомзем его не дает! Нам приказано обрабатывать землю под опекою агрономов. Мы уже знаем, чем это пахнет. Мы посеем, соберем, а они придут и готовое заберут.

У нас теперь начальства очень много, — говорили крестьяне. В течение этого месяца нас посетило множество продовольственных отрядов. Луганск совсем зарезал. В одну неделю к нам презжали отряды от армии действующей и трудовой, от союза металлистов, горняков, совслужащих, от губкома и ревкома, от заводов и продкома. Все эти отряды выкачивали хлеб, которого нет у нас, даже семян для посева не достает! Все они нам не верили, обыскивали, брали заложников, расстреливали. Сейчас от нас требуют: мясо, жиры, картофель и все-все, что можно съесть...

Они создали целые армии для изъятия продуктов питания, а ведь у нас давно уже ничего нет, сами на овощах сидим. Да к тому же засуха, год неурожайный, все горит — будет голод.

Село хотят поссорить, “расслоить” на бедняков, середняков, кулаков, и для этого участникам, которые лазят по чердакам и подпольям, выдают 10% отобранного»[917].

Совнарком издал декрет, которым вводится обязательная поставка живой домашней птицы. В нем говорится: «Разверстке подлежат все виды домашней птицы (гуси, утки, куры, индейки). Разверстка по Украине составляет 222 324 пуда. Вся разверстка должна быть выполнена к 1-му февраля 1921 г., причем 50% — к 1-му ноября 1920 г»[918].

И не успевали махновцы открыть склад, как эти люди, подобно саранче, таскали себе домой содержимое. Они махновщине сочувствовали, поддерживали ее продовольствием, питали сводками, выдавали коммунистов. Даже больше, они сами убивали их и очень часто нам приходилось становиться на защиту, спасая обреченных.

Организация деревенской бедноты в то время была слаба, а пролетарские элементы села изменчивы, исключая селения, расположенные вблизи городов, узловых станций и промышленных центров, где КНС[919] вырастали и крепили под руководством компартии, представляя организацию классовой раслойки, во всех же отдаленных селениях с КНС обстояло хуже. Получая от нашей армии лошадей, телеги и пр., во множестве отбиваемое у красных частей, члены КНС не оставались в долгу. Некоторые их отряды, организованные для борьбы с бандитизмом и кулаком, без боя переходили на нашу сторону, и только часть разбегались по хатам, бросая винтовки. И, как крестьяне, они становились на защиту своей ничтожной собственности, памятую, что она подвергается удару со стороны пролетарской революции.

Это следует из докладной записки зам. председателя Реввоентрибунала Северной железной дороги А. Аладжалова от 12 сентября 1920 г. который с 1917 г. почти непрерывно работал на Украине. В июне этого же года он был послан ЦК КП(б)У для литературной работы против Махно в политсекцию 13-й армии в агитпоезд «Большевик». Для того, чтобы ближе познакомиться с махновцами и махновщиной, он проехал и прошел пешком по нескольким деревням Павлоградского уезда. Эта поездка была связана с большим риском для жизни. Побывал в местах непосредственно прилегающих к врангелевскому фронту.

«Махно здесь хозяйничает уже третий год. Все это время он существовал главным образом “экспроприацией” помещиков и кулаков. Благодаря близости к деревне, большому знанию ее жизни во всех мелочах, укрыться от этой экспроприации не было никакой возможности и не только слой кулаков, но и слой крестьян мало-мальски побогаче давно уничтожен. Остался рядовой крестьянин-середняк и беднота. Других элементов, годных для нашего строительства, на махновщине сейчас нет.

С беднотой, которой вообще очень мало, дело обстоит следующим образом. Часть прежней бедноты, и значительная теперь, перестала быть беднотой — это люди наиболее активные, те бедняки, у которых было сильно чувство социальной несправедливости по отношению к

ним. Из этой среды пополнялись и пополняются отряды Махно, и они же воспользовались его благодеяниями.

Например, деревня Марьевка была прежде исключительно бедняцкой. Крестьяне вышли на волю совсем без надела и имели уже впоследствии купленной земли по десятине. Во время же конской мобилизации марьевские лошади выделялись своими качествами.

Крестьяне говорили улыбаясь: “Так, ведь, это все лошади помещиков-колонистов — Махно наделил”. Среди этой “бедноты” есть особенно сильная приверженность к Махно “Сшибить ее” в советское русло можно только силой...»[920].

И о том, как «сшибали» и какими методами пользовались повсеместно представители государственной власти, говорит выписка из приказа № 1 начальника тыла 40-й стрелковой Богучарской дивизии от 5 сентября 1920 г. г. Бердянска.

«§ 1. В тылу Красной Армии, действующей против врангелевских палачей, появились банды грабителей, которые скрываясь в лесах, селах грабят население, портят железнодорожные мосты, нападают на наши обозы и продовольственные комиссии, разоружают и убивают отдельных красноармейцев. Подобные явления необходимо искоренить; поэтому, в случае появления или обнаружения вооруженных банд и отдельных грабителей, все начальники милиции, волостные и сельские исполкомы и другие гражданские учреждения, а также штабы, командиры и комиссары в целях способствования очищению тыла дивизии от Махновщины и прочих контрреволюционных организаций, обязаны немедленно же донести об этом мне или командиру ближайшей воинской части.

§ 2. Предупреждаю всех лиц, сеющих провокационные слухи, что за подобного рода преступления виновные будут арестовываться и подвергаться высшей мере наказания.

§ 3. Исполкомы и граждане населенных пунктов, расположенных в районе 40-й Стрелковой Богучарской дивизии обязаны немедленно сообщать в штаб тыла о всяком появлении вооруженных банд и отдельных главарей. Неисполнение сего повлечет за собою наложение контрибуции, арест и расстрел заложников, если вооруженные банды будут организованы в данном населенном пункте; в случае же открытого восстания в каком-либо селе, деревне или хуторе, последние будут снесены с лица земли. Начальник тыла 40-й стрелковой дивизии П. Зотов Начальник штаба Полтаржицкий»[921].

А в сводке от 12 сентября о деятельности Екатеринославской губернии говорилось:

«...В целях ликвидации махновщины и подавления выступлений кулачества создана губернская комиссия из предгубисполкома, начтыла, секретаря губкома, представителя совпрофа, предгубчека, предпродкомгуба. В уездах организуются тройки из предгубисполкома, упродкомиссара и уездного начтыла. Эти комиссии имеют самые широкие полномочия и права. Работа проводится в тесном контакте с местными партийными и рабочими организациями, привлекаются КНС.

Каковы цели проводимой компании: ущемление и усмирение кулака, разоружение бандитов, ликвидация “батек”, проведение продрозверстки, военные мобилизации, ускорение

процесса расслоения крестьянства, проведение недели помощи селянам. С целью осуществления компании организуются продотряды, проводится мобилизация: 200 членов партии, 600 советских служащих, 1 500 членов профсоюза, 332 члена комнезаможей, чекисты и спецагрономы. Выпускаются листовки по всем вопросам, связанные с проводимой компанией. Предстоящая работа внесла несомненно оживление в ряды коммунистов...»[922].

По мере обострения борьбы сил контрреволюции и сил революции на фронтах гражданской войны, определялись и отношения между красными и махновцами. Временами были потепления, но, в основном, большевики не терпели конкурентов и всячески подводили инакомыслящих (в том числе и анархистов-коммунистов) под полную ликвидацию, постоянно создавая образ врага и пугая мелкобуржуазностью.

Конфедерация «Набат» в процессе усиливающейся борьбы, была главной идеологической и политической организацией махновщины.

Реагируя на ситуацию, третья конференция Конфедерации «Набат», состоявшаяся 3–8 сентября 1920 г. и проходившая «под флагом организации сил для грядущей революции и приспособления тактики и организации к условиям подполья», вынесла соответствующие резолюции.

Так, в частности, об отношении к Советам говорилось: «Принимая во внимание, что Советская власть стала могилицей революции, что война Советской власти с буржуа и белогвардейщиной не может служить смягчающим обстоятельством в нашем отношении к Советской власти, конфедерация “Набат” призывает всех анархистов и честных революционеров к решительной и непримиримой борьбе с Советской властью и ее институтами, не менее опасными для дела социальной революции, чем другие менее прикрытые ее враги — Антанта и Врангель»[923].

Что касается Красной Армии, то «набатовцы» принципиально высказались против нее, считая идеальной формой вооруженных сил революции «Повстанческую Армию, организованную снизу».

«Никакая принудительная армия, в том числе и Красная, не может считаться истинной защитницей социальной революции», — говорилось в решениях съезда еще в апреле 1919 г.

Третья конференция «Набата» еще более четко сформулировала эту мысль: «Отношение анархистов к Красной Армии должно быть отрицательным, как и ко всякой другой государственной армии, мы не должны ее считать революционной потому, что Красная Армия не выполняет сущности революционного дела на внешнем фронте, а внутри страны является главным оплотом реакции. Участие анархистов в Красной Армии с целью защиты революции считается делом, способствующим обману и заблуждению масс и враждебным целям революции»[924].

А мы в это время продолжали рейд.

«Предписание

Штабу Особой группы войск (махновцев) по оперативной части, с. Никольско-Покровское
Донской области.

№ 73. 11 сентября 1920 г.

В районе нашего расположения на расстоянии 20 верст противника силы не обнаружены, кроме станции и города Миллерово, откуда и возможный их подход к нашим частям.

Наши задачи: уклониться на восток в 50–60 верст от линии Сев.–Донецкой жел. дороги, дабы противник заблаговременно не мог обнаружить наше движение и не разгадал наши цели движения на юг от угрозы захвата или порчи противником переправ через реку Лонец.

На 12 сентября назначается переезд 25–30-верстный к конечному пункту с. Ефремовское, Степановское, что 30 верст южнее с. Свинная по реке Калитва, во исполнение сего предлагаю:

1. Начать движение 12 сентября в 9 часов утра всеми частями группы.

2. С. Александровка (Городище) и хутор занять штабом группы, Совет, Сотня Батька, I кавалер., I пех. и пулеметный полки и артиллерия, команда люисистов и связью.

С. Криворожье занять III пех. полком, снабжение, придав одно орудие.

3. С. Нижне-Ольховое (Повдеевка) занять 11 пех. полком и артскладом.

4. С. Ефремовка – Степановка занять 2 кавалер, полком и лазаретом.

Криворожскому гарнизону выслать разъезды на 15 вер. в сторону ст. Миллерово, Никольско-Покровское (Свинная), хут. Алексеевна и Ушаков, точно следить за возможным движением противника со стороны Миллерово.

5. Нижнеольховскому гарнизону выслать разведку в сел. Екатериновку (Чернозубовка), хут. Наумов, Болошинский и Ниж. Калиновский.

6. Ефремовско-Степановскому гарнизону выслать разведку на хут. Колушкин и с. Курлаково-Липовская.

Примечание: все разведывательные отряды должны иметь характер как разведки, так и распространения литературы, для чего и предлагаю последних таковой снабдить. Кроме того, все гарнизоны в отдельности должны проводить в означенных выше селах и станицах митинги, для чего в каждый гарнизон выслать способных людей.

7. Отряд Буданова расположить в с. Криворожье, а раненых и больных определить в армейский лазарет.

8. При движении войск всегда поступать так: все больные и раненые бывшие командиры должны двигаться за комендантской ротой штаба группы.

9. При стоянке иметь тесную техническую связь со всеми гарнизонами: сборный пункт назначается хут. Кудрявский, что юго-восточнее в 1 верст. городище по р. Калитва.

10. В вышеозначенных селах и хуторах предполагается дневка. Зам. Командарм С. Каретник Нач. Оперотд. СРПУ (махновцев) В. Белаш»[925].

»Предписание

Штабу Особой группы войск (махновцев) по оперативной части с. Александровка Донской области Верхнедон. окр. № 74.

12 сентября 1920 г.

За 11 сентября по агентурным сведениям в с. Большеинская находится милиция до 20 чел., в станице Сычев находится продовольственный отряд до 200 чел. пехоты при нескольких пулеметах. В Чернозубовке находится милиция. В станице Верхне-Ольховая (Кошары) находится милиция. Разбитые части красных, ст. Миллерово и гарнизона бежали 11 сентября по дороге на Поздеевку. Красные пустили по нашим следам часть пехоты и кавалерии, которые занимают с. Свинное, и последние должны повести наступление на гарнизон Криворожье.

Наши задачи: разбить преследующие части красных у с. Криворожье после чего стать по линии района ст. Большеинская, что в 20 вер. юго-восточнее с. Александровка (Городище).

Во исполнение сего предлагаю:

1. Возложить боевую задачу на 2 пех., 3 пех., 2 кавалер, и 1 кавалер, полки, которым и разбить противника группу тогда, когда последняя подойдет к селу Криворожье причем уделять главное внимание в сторону с. Миллерово по дороге через х. Ушаков, откуда возможен подход подкрепления красных. Разбив противника контрн наступлением, преследовать последних до тех пор, пока совершенно будут взяты в плен или ликвидированы. В случае нашей неустойки сборный пункт назначается хут. Макеевский, откуда и предполагается движение на с. Большеинское.

2. Возлагается боевая задача на комгруппы тов. Марченко и 2-х членов штаба, которые должны быть под руководством тов. Марченко, но если нужно будет, то таковые должны быть самостоятельны.

3. Пулеметному полку оставаться в хут. Макеевский, выслать разведку в с. Черно-Зубовка и по дороге на с. Поздеевка и Большеинскую.

4. В случае необходимого подкрепления можно вводить все части в бой. В случае изменения положения будет особое распоряжение.

5. Ком. дивизиона тов. Сипливному предоставлять самостоятельное действие в бою артиллерии, с расчетом не производить напрасную трату, снарядов. Тов. Сипливый должен выбирать позицию с расчетом выгодного обстрела противника. На позицию ставить не

более 3-х орудий с дивизиона.

Нач. Оперотд. СРПУ (махновцев) В. Белаш»[926].

11 сентября армия атаковала ст. Миллерово, где освободили около 300 человек арестованных, тюрьму сожгли. Красный полк сложил оружие, а бронепоезда бежали на Каменскую. Взято до 1 000 винтовок, около 20 пулеметов, много патронов, захваченный бронепоезд подорвали. Ночью части спокойно переправились через линию железной дороги у ст. Миллерово и спокойно прибыли в села Свинное и Ольховый Рог.

12 сентября наши части заняли с. Александровку.

Из записей в дневнике: «С утра (13/9-1920) подготовили части к отражению наступления красных, которые шли по нашим следам от станции Миллерово, куда они прибыли в трех эшелонах из Воронежа. На рассвете красные цепью подошли к нашим расположениям у села Криворожье и повели на нас наступление. Наши перешли в контрнаступление. Сбив красных с позиции, погнали через село Свинное и между с. Свинное и станцией Миллерово, и у хутора Сухо-Боров взяли в плен 650 человек пехоты, изрублено до 250 человек кавалерии. Из 650-ти пленных пошли к нам добровольцами 250 человек. Остальные были распущены на все четыре стороны.

14/9-1920. Утром выехали из села (Городище) Александровка в село и район Большеинская. Дорога была спокойная.

15/9-1920. Утром рано красные повели наступление на нас. Наступление 1-м Донским кавалерийским полком и 47-м со стороны Процеково на село Большеинское. Последних встретили контрнаступлением и заставили в панике бежать назад в сторону сел Процеково и Скасирскую, оставив до 200 человек пленных, которые вступили в наши ряды. В бою изрубленно до 300 человек, ввиду того, что они не сдавались в плен.

1-й Донской полк (кавалерийский) бежал от своей пехоты, оставив человек 20 убитыми. Взято 10 пулеметов и много патронов.

16/9-1920. Стоим спокойно в селе и районе Большеинское.

17/9-1920. Утром выехали из села Большеинское в село Маньковку. Дорога была спокойная. Прибыли на место благополучно.

18/9-1920. Выехали из Маньковки в село Селивановку.

19/9-1920. Выехали из села Селивановки в станицу Чернышевскую. Дорога была спокойная.

20/9-1920. Стоим спокойно в станице Чернышевской.

21/9-1920. Выехали из станицы Чернышевской в станицу Боковскую, дорога была спокойная. 1-й кавалерийский полк занимал станицу Котковскую, имел бой с милицией и караульной ротой продотряда, где было взято в плен 200 красногвардейцев и 2 пулемета. В станице

Боковской взято много продовольствия Райукропродкома. Вечером в 10 часов была обнаружена неизвестная воинская часть, которая подъехала с северной стороны станицы Боковской и остановилась в 100 саженьях от станицы Боковской. Нами были приняты меры к самосохранению. Ночь прошла в поисках разведчиков и в редкой их перестрелке.

Рано утром наша цепь пехоты одного полка повела наступление, кавалерийский полк пошел в наступление, пулеметный полк стал им во фланг. Сообща наши повели наступление на эту часть, которая окопавшись отстреливалась и переходила в контрнаступление. Бой длился с переменным успехом 3–4 часа, но, благодаря нашей батарее, противник сдался. У противника было до 100 человек убито в окопах и обозе.

Наши потери: до 15 человек убито и до 30 человек ранено и убито до 30 лошадей.

Взят в плен 4-й Донской полк — 200 штыков, весь полковой обоз, 5 пулеметов, 25 000 патронов.

В бою за свое упорное сопротивление с нами красные потеряли всего убитыми нашей кавалерией и пехотой 718 человек, в том числе командира полка — адъютанта 2-ой Донской бригады. Остальные взяты в плен, и из них поступило к нам 70 человек донских казаков добровольно, остальные распущены по домам.

В этом бою был тяжело ранен командир 1-го кавалерийского полка тов. Гаркуша.

22/9-1920. На рассвете красные части: 5 пехотный, 8 пехотный, 9 пехотный и 1-й образцовый полки при орудиях, 23 пулеметах внезапно повели на нас наступление на станицу Краснокутскую, на участке 3-го пехотного полка тов. Живодерова.

Наш полк под командой тов. Живодерова вступил в бой, но, не выдержав натиска красных, отступил из станицы Краснокутская, оставив один батальон до 150 человек в плену.

Подошедшие наши части остановили наступление красных и заставили его выступить из станицы Краснокутская и занять западный горнизон. Самый упорный бой длился с переменным успехом часов 7–8. 2-й кавалерийский полк пошел в тыл красным и захватил весь обоз 1-го образцового полка — до 300 подвод, взято до 300 человек в плен, до 250 штук снарядов, до 40 000 патронов, взята вся одежда полка: сумки, шинели, ботинки и много другого военного добра.

Вечером 21 сентября выехали из станицы Боковской на станицу Псковскую, куда спокойно прибыли в 2 часа утра 22 сентября.

23/9-1920. Утром хоронили тов. Гаркушу, а потом выехали из станицы Лоховище в село Поповку. В селе Поповка без боя взяли в плен 2 батальона 4-го Донского полка и 2 пулемета. В селе Макеевке захватили до 20 человек продотряда...»[927].

Где-то в это время и произошел, весьма знаменательный случай, иначе не видать бы нам «Тихого Дона».

В бою пленили бойцов продотряда, оказавших сопротивление и прославившихся в округе своей жестокостью. Комиссия антимахновской деятельности приговорила их к расстрелу. И вот, когда выводили их за село, встретили Махно. Его внимание привлек подросток с довольно жалким видом. Махно поинтересовался, кто такие, куда ведут. Он подозревал пленника, который назвался Шолоховым, и после короткого разговора заявил: «Отпустим его, пусть подрастет и осознает, что делает. А нет, в другой раз повесим. И только».

Очевидно это и послужило поводом М. Шолохову написать рассказ о махновцах «Путь дороженька».

Итак, вместо восстания казаков и встречи с десантом Врангеля (генерала Назарова), растаявшим в бою под станицей Константиновской, армия махновцев встретила группировки красных войск, преследовавших остатки белых.

Кубанский десант Врангеля также потерпел фиаско и далее ст. Тимошевской не пошел: остатки его 5 сентября на пароходах бежали в Крым.

Игра в победу нас тяготила: мы боялись собственных сил. Бросай на нас красное командование новые дивизии, они были бы в наших рядах добровольно. Мы сознавали, что наша победа — есть победа и Врангеля и Польши, что мы, преследуя цель строительства свободного от насилия общества, лозунга социальной революции, признания правового гражданства, самоуправления, полной ликвидации бюрократизма и т. д., сами того не замечая, творим дело генерала, играем в дудку деревенского кулака и собственника помельче. Нашими действиями, пропагандой и агитацией наносился большой урон властнической системе, мы вынуждали считаться с собой, но наши оппоненты не желали делиться монополией на выбор пути строительства по настоящему свободного коммунизма.

В это время В. Г. Короленко, уже в который раз, писал Наркому просвещения Луначарскому:

«...Когда-то признавалось, что Россией самодержавно правит воля царя. Но едва где-нибудь проявлялась воля этого бедняги самодержца, не вполне согласная с намерением правящей бюрократии, у последней были тысячи способов привести самодержца к повиновению. Не то же ли с таким же беднягой нынешним “диктатором”? Как вы узнаете и как вы выражаете его волю? Свободной печати у нас нет, свободы голосования — также. Свободная печать, по-вашему, только буржуазный предрассудок. Между тем, отсутствие свободной печати делает вас глухими и слепыми на явления жизни. В ваших официозах царствует внутреннее благополучие в то время, когда люди слепо “бредут врозь” (старое русское выражение) от голоду. Провозглашаются победы коммунизма в украинской деревне в то время, когда сельская Украина кипит ненавистью и гневом, и чрезвычайки уже подумывают о расстреле деревенских заложников. В городах начался голод, идет грозная зима, а вы заботитесь только о фальсификации мнения пролетариата. Чуть где-нибудь начинает проявляться самостоятельная мысль в среде рабочих, не вполне согласованная с направлением вашей политики, коммунисты тотчас же принимают свои меры. Данное правление профессионального союза получает наименование белого или желтого, члены его арестуются, само правление распускается, а затем является торжествующая статья в вашем официозе: “Дорогу красному печатнику” или иной красной группе рабочих, которые до тех

пор были в меньшинстве. Из суммы таких явлений и складывается то, что вы зовете “диктатурой пролетариата”. Теперь и в Полтаве мы видим то же: Чрезвычайная комиссия, на этот раз в полном согласии с другими учреждениями, производит сплошные аресты меньшевиков. Все более или менее выдающееся из “неблагонадежной” социалистической оппозиции сидит в тюрьме, для чего многих пришлось оторвать от необходимой текущей работы (без помощи “неблагонадежных” меньшевиков вы все-таки с ней справиться не можете). И, таким образом, является новое “торжество коммунизма”.

Торжество ли это! Когда-то, еще при самодержавии, в один из периодов попеременного усиления то цензуры, то освобождавшейся своими усилиями печати в одном юмористическом органе был изображен самодержец, сидящий на штыках. Подпись: “Неудобное положение” — или что-то в этом роде. В таком же неудобном положении находится теперь ваша Коммунистическая правящая партия. Положение ее в деревне прямо трагическое. То и дело оттуда приносят коммунистов и комиссаров, изувеченных и убитых. Официозы пишут пышные некрологи, и ваша партия утешает себя тем, что это только куркули [деревенские богачи], что не мешает вам выжигать целые деревни сплошь — богачей и бедных одинаково. Но и в городах вы держитесь только военной силой, иначе ваше представительство быстро изменилось бы...»[928].

В другом письме Луначарскому Короленко писал:

«...Политических революций было много, социальной не было еще ни одной. Вы являете первый опыт введения социализма посредством подавления свободы.

Что из этого может выйти? Не желал бы быть пророком, но сердце у меня сжимается предчувствием, что мы только еще у порога таких бедствий, перед которыми померкнет все то, что мы испытываем теперь. Россия представляет собою колосс, который постепенно слабеет от долгой внутренней лихорадки, от голода и лишений. Антанте не придется пожалуй долго воевать с нами, чтобы нас усмирить. Это сделает за нее наша внутренняя разруха. Настанет время, когда изнуренный колосс будет просить помочь ему, не спрашивая об условиях...»[929].

К этому времени на Польском фронте Красная Армия неизменно отступала и к 23-му сентября оставила Ковель, Ровно. На врангелевском фронте дела были еще хуже. Противник занял линию вверх по Днепру от Черного моря до Екатеринослава (15 верст юго-восточней от него), Синельникове, Ново-Николаевку, Гуляйполе, Цареконстантиновку, Белоцерковку, Андреевку и Новоспасовку. Врангель, расширив свой плацдарм, разбивая красные дивизии по частям, веером продвигался на Екатеринославщину и Донщину.

К 23-му сентября наша армия насчитывала до 35 тысяч штыков и сабель. Из них 15 000 было в разных группах и отрядах на Екатеринославщине, Полтавщине, Черниговщине и Донщине. 20 000 было в одном армейском кулаке, на стоянках занимая по несколько населенных пунктов.

Состав армии был, примерно, следующим: 25 процентов кадровых, старых повстанцев, 25% примкнувших городских люмпен-пролетариев, середняков и кулаков, освобожденных в

разное время и в разных местах из тюрем, 45% пленных красноармейцев, пожелавших добровольно остаться у нас и 5 процентов казаков, в том числе из разбитого десанта Назарова. Офицеры, как и раньше, подвергались расстрелу по комиссии антимахновских дел, отчего они отсутствовали в армейских рядах.

Армии становилось не под силу передвигаться с места на место, и я категорически заявил в Совете о необходимости выйти на врангелевский фронт. Кроме того, для меня становилось очевидным, что наши анархические идеи и лозунги масса воспринимает с сомнением и во имя сохранения частной собственности, уравнительного пользования землей, нас поддерживает, но нуждается в большой разъяснительной и идеологической работе. Я чувствовал и видел, как озлоблялся кулак, а торговец обогащался за счет кризиса фабриканта.

Наше ядро (5 000 старых повстанцев, объединившихся вокруг наших анархических групп с 1918 года) за 1920 год обрастало всевозможными антибольшевистскими элементами, поддерживаемое кулаками, середняками (города и деревни) и даже пролетариями. Армия выросла и стали ей тесны проселочные дороги. Она стремится занять район и укрепить его для формирования Советского Свободного безнасильственного строя. И, если бы она это сделала, можно было быть уверенному, что красноармейцы дезертировали бы с фронта, и большевистская власть вынуждена была бы вновь оставить Украину. Однако армия двигалась обратно на Старобельск, почти нигде не встречая сопротивления.

Тем временем, красные начальники прибегали на Украине к строжайшим мерам для искоренения махновщины. Карательные отряды усердствовали в жестокостях, сжигая дома, обстреливая из орудий села, забирая заложников. В тюрьмах не хватало мест. Их рассаживали по лавкам и гостиницам. Но, репрессии уже не могли смирить ожесточившихся: они уходили в леса и защищались, или обманывали Соввласть и шли на мобилизацию, а потом усиливали ряды повстанчества.

Проходя между Миллерово и Чертково желдорогу, в одном поезде нам попала газета «Коммунист» № 208 от 17 сентября 1920 г. В ней была помещена статья Раковского — Предсовнаркома Украины. Он писал:

- «1. Все главари банд и все, участвующие в бандах, объявляются вне закона. Каждый захваченный бандит будет расстреливаться на месте как враг рабоче-крестьянской власти.
2. Близкие родственники бандитов берутся заложниками и отправляются в концентрационный лагерь, имущество бандитов и их близких родственников конфисковать в пользу местной деревенской бедноты.
3. Деревни, оказывающие содействие бандитам и дающие им продовольствие, лошадей, подводы или пополнение, подвергаются военной блокаде.

Карами являются: контрибуция продуктами продовольствия, денежная контрибуция, конфискация имущества кулаков, обстрел селений и их полное уничтожение.

Примечание: 1-е. Центр тяжести всех кар переносится на кулацкие слои деревни.

Примечание: 2-е. Ссылка на то, что деревни силой вынуждаются давать бандитам пополнение или снабжение, приниматься не будет».

Эта статья — повторение знакомых нам приказов. Но беда Раковского в том, что красноармейцы теперь отказывались обстреливать села из орудий. ВОХРа чувствовала себя в полном бессилии, и повстанческие отряды увеличивались с каждым днем, основательно угрожая большевикам на Украине: статья Раковского только усиливала сопротивление и показывала, кто есть кто, а губначтыла на заседании Николаевского губисполкома 25 сентября докладывал:

«Наиболее бандитские уезды Елисаветградский и Херсонский (район Долинская – Знаменка). Гнезда бандитизма: Гурьевка, Братолюбовка, Петрово и район Кривого Рога. Банды перебрасываются из Александрийского уезда. Знаменка была занята бандами и крестьянами, причем крестьяне были вооружены палками и вилами.

В районе Миргорода банда в 2 000, Петрово — 3 000. В Елисаветградском уезде имеется банда в 100 человек и (в) Новомиргородской и Новокочубеевской[930] волостях. В Херсонском уезде — имеются переходящие банды во Владимирской волости. Было восстание в Верблюжке.

Из бандитов известен Скирда из Кременчугской губернии. Было восстание 16 волостей вокруг Станислава (Белозерка, Копани, Александровка, Богоявленск и т. д.)...»[931].

Из дневниковых записей:

«25/9-1920. Выехали из села Дегтевка в село и район Новоселовку, в район Донской области Верхнедонского округа. Дорога была спокойной. По прибытию в село Новоселовку был выслан 2-й пехотный полк на линию жел. дороги к станции Шептуховка – разъезд Маньково, где хорошо разрушили железную дорогу, и на станции Шептуховка взят эшелон красных, не вооруженных, числом до 1 000 человек, из которых до 400 человек казаков пошли в нашу армию, а остальные пожелали идти домой.

26/9-1920. В 2 часа утра выехали из района Новоселовки Донской области Верхнедонского округа в село Стрельцовку в район Харьковской губернии Старобельского уезда. Переезд через линию жел. дороги (Северо-Донецкой) передние части благополучно перешли, а задние были подвергнуты обстрелу из бронепоезда, который подошел к станции Шептуховке со стороны станции Миллерово. Потерь у нас нет никаких. Бронепоезда противника выпустили до 200 снарядов»[932].

21-го сентября, подъезжая к пос. Беловодску, я имел беседу со многими старыми командирами, принадлежавшими к нашему союзу анархистов. Они изъявляли свое согласие осесть на одном месте, чтобы заняться анархо-коммунистическими экспериментами. Но я знал, что село еще не созрело для анархии, что оно не способно к поголовному восстанию против власти и государства, и что оно не восставало даже тогда, когда подвергалось жестокостям. Оно примыкало к повстанцам и охотно помогало им во всем, но самостоятельно не восставало. Надеяться на него, как на анархическую созидательную силу, было сомнительно. Занять Старобельшину — еще худшая сторона, ибо тогда бы

Врангель, имея впереди новый участок фронта, легко мог бы расширить плацдарм в Донскую область. Я уговаривал своих «союзников» выйти на Врангеля и, после колебаний, они сдались.

27-го сентября по телеграфу я вызвал Харьков и говорил с уполномоченным правительства Манцевым о перемирии. Мое предложение было принято, и перемирие было заключено.

На этом наш 3-й рейд закончился. Военные действия были приостановлены.

Идея нашего союза с Соввластью заключалась в том, что мы стремились получить автономию в Гуляйпольском районе. Кроме того, устраняли бесконечную борьбу, плодами которой, в конце концов, пользовались и Врангель и шляхетская Польша. Мы получали свободную советскую трибуну для проповеди своих анархических идей и вырывали из советских тюрем анархистов и махновцев. Это была основная причина, толкнувшая Совет, штарм и «союзную организацию» к миру с большевиками.

Утверждения исследователей движения, что махновщина оторвалась от деревни, батрак и даже середняк начал от нее отходить на сторону компартии, махновские низы (пролетарский элемент) продиктовали командирам свою волю, командиры спасали личное положение, махновцы раскаялись, признали большевиков и решили искупить свою вину в боях с белыми — надуманные теории. И это подтвердят последующие действия после объявления махновцев в очередной раз вне закона. 26-го ноября 1920 г., когда эта же армия окажет отчаянное сопротивление обману и насилию союзных большевиков.

Фактически общее положение было чрезвычайно серьезное. Успехи Врангеля, занявшего 28 сентября Волноваху и Мариуполь, неудачи под Варшавой и отступление с большими потерями в северной части и центре Польского фронта, где 12-я и 14-я армии, уступая полякам в силе, с боями вынуждены были отступать, боярская Румыния под влиянием Антанты провела общую мобилизацию, увеличивая количество своих войск на границе и провела ряд враждебных советской стороне актов.

Активность и военная помощь Антанты, массовые восстания на Украине, дезертирство заставляло красное командование искать выход.

В своей речи на съезде рабочих и служащих кожевенного производства 2-го октября 1920 г. В. И. Ленин говорил:

«...Вы все, конечно, знаете, как тяжело сложилось военное положение для нас сейчас... Когда мы подошли к Варшаве, наши войска оказались настолько измученными, что у них не хватило сил одерживать победу дальше, а польские войска, поддержанные патриотическим подъемом в Варшаве, чувствуя себя в своей стране, нашли поддержку, нашли новую возможность идти вперед. Оказалось, что война дала возможность дойти почти до полного разгрома Польши, но в решительный момент у нас не хватило сил...

Теперь мы откатились на востоке очень и очень далеко. На севере мы потеряли даже город Лиду, на юге мы почти на той линии у которой стояли в апреле 1919 г., — у линии Пилсудского, на севере мы откатываемся назад чрезвычайно сильно, а Врангель делает в

это время новые и новые попытки наступать. Врангель угрожал недавно Екатеринославу, подходил к Синельниково, и оно было у него в руках. Теперь он взял Славгород. На востоке он взял Мариуполь, подходит к Таганрогу, угрожает Донецкому бассейну. Перед нами трудное положение, и снова еще раз попытка международных империалистов задушить Советскую республику двумя руками: польским наступлением и наступлением Врангеля...

И в войне против Антанты, в силу того поражения, которое было нанесено нам под Варшавой, в силу того наступления, которое продолжается на западном и на врангелевском фронтах, наше положение оказалось опять чрезвычайно плохим, и я должен поэтому закончить свой краткий доклад обращением к товарищам кожевникам с указанием на то, что теперь нужно опять напрячь все силы...»[933].

15 октября 1920 г. в заключительном слове на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии В. И. Ленин говорил:

«Положение Советской республики чрезвычайно тяжелое...

На Украине хлеба не меньше, а, может быть, больше, чем на Кубани, но с Украины до сих пор почти ничего не удалось взять из разверстки, которая составлена на 600 миллионов пудов и которая могла бы обеспечить и восстановить всю промышленность. Украина, по нашим расчетам, вычеркивается: ни одного пуда с Украины, потому что там бандиты и потому что война с Врангелем заставляет говорить: мы не ручаемся, что получим хоть один пуд с Украины...»[934].

Кроме того, многолетняя бойня довела страну до разрухи.

Так промышленная продукция сократилась в 1920 г. по сравнению с довоенным 1913 г. почти в семь раз. Продукции металлообрабатывающей промышленности приходилось по 100 граммов на крестьянское хозяйство. Производство тканей составляло меньше одного метра на человека. Общая продукция сельского хозяйства упала до половины довоенного уровня.[935]

Продразверстка и другие меры «военного коммунизма», засуха, захватившая 7 областей, и другие трудности всем диктовали условия окончания борьбы и перехода к мирному созидательному труду.

И красное командование вынуждено было искать себе союзников. Создалась ситуация, когда большевики должны были считаться с махновщиной и заключить с ней союз.

Кроме того, Советскому правительству это соглашение было выгодно еще и тем, что во время успешного наступления поляков и Врангеля не только освобождались красные войска с внутреннего фронта, которые в большом количестве постоянно отвлекались на борьбу с махновщиной, но, наоборот, приобретались дополнительные силы закаленной боями и вооруженной Повстанческой Армии.

Так думали мы. Но крестьянские группы, частично исключая батраков и бедняков, продолжали не верить большевикам, которые разрушали частную собственность. Это

неверие сказывалось в непостоянстве состава комбедов, большей частью переходивших на нашу сторону. Кроме того, середняцкая группа, выросшая вокруг нашего Совета и штаба, будучи не раз обманутой надеждою поправить свое материальное положение через комбеды, потеряла веру к административным советским лицам, которые только карали, запрещали и приказывали.

Правда, на Украине были крестьянские районы, прилегающие к промышленным узлам, городам и большим станциям, где индустриальный пролетариат был организован и не только посылал от своих организаций продотряды, но и проводил пропагандистскую работу, разъясняя сущность классовой борьбы и диктатуры пролетариата. В таких селениях начали функционировать организации КНС, видевшие в конфискации материальную выгоду, а в политработе и классовой диктатуре — социалистические элементы. Они становились опорой Советской власти в деревне. Но, ведь их было так немного! И крестьяне надеялись устроить свои хозяйства так, чтобы быть собственниками, автономистами. И если они этого достигали, а по закону классовой пролетарской диктатуры такой комнезаможник переходил в разряд кулаков, и нес бремя продналогов, то, естественно, он разочаровывался. Поэтому местами комбедчики того времени превращались в середняков-собственников, а не сторонников обобществленного крупного землепользования. И, естественно, комбеды не могли быть силою, способствующей разгрому кулака и изоляции его от середняка: они помогали нам. В сентябре они были в стадии своего формирования и не играли доминирующей роли на селе, в котором только теперь основательно гремели раскаты Октября.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 5 апреля 2025 23:23:29

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 5 апреля 2025 23:28:17